

Н. Афиногеновъ.
(Н. Степной).

„ЗАПИСКИ ОПОЛЧЕНЦА“

Издание Петроградскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ.
Смольный Инст. 2-ой этажъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Училища Глухонемыхъ, Мойка 54.
1917.

Записки ополченца.

(Из дневника ополченца).

Эти записки переданы мнѣ человѣкомъ, въ сѣрой изношенной шинели, голова котораго была покрыта фуражкой съ крестомъ свинцоваго цвѣта.

Онъ поминутно кашлялъ, при чемъ держался за грудь и бросалъ умоляющій взглядъ на меня. Его сѣрые глаза были внимательно сосредоточенны—„пожалуйста доведите до свѣдѣнія, точно такихъ же, какъ и я сѣрыхъ, вѣчно работающихъ людей“... Пожалуйста...

Я взялъ записки, прочиталъ. Но когда пошелъ съ ними обратно къ нему, кое о чемъ условиться, въ смыслѣ корректурнаго исправленія, то его уже не было. Онъ вновь ушелъ на позиціи. Ни подписи, ни имени у записокъ не было. Я постѣснялся раньше спросить его, кто онъ?

Теперь я не зналъ, что дѣлать съ его записками, а предо мной все продолжалъ стоять его внимательный взглядъ сѣрыхъ глазъ.

— Пожалуйста доведите, чтобы узнали о нихъ другіе такіе же, какъ и я, сѣрые вѣчно-работающіе люди, пожалуйста!

6—IV—1915 г.

Куда то я сунулъ предыдущій листокъ. Куда не помню. Знаю только, что сборъ въ шесть часовъ утра. Всю ночь я не спалъ, да и какъ спать, когда надо взять съ собой только одно необходимое. Съ вечера я началъ распродажу. вещь, которая стоила пятьдесятъ—сорокъ рублей и вещь, которая стоила пять рублей, шла однимъ размѣромъ въ рубль, два, три.

Больше оцѣнки не было. Бѣлье—рубашки, простыни и такъ далѣе двадцать копеекъ штука. И когда у меня вмѣсто трехъ корзинъ, двухъ чемодановъ, кровати, стульевъ и сундука, очутилась одна подушка, одѣяло, а въ карманѣ 34 рубля денегъ, то это очень было выгодно, но и корзину со всѣми принадлежностями надо было оставлять. Я бы продалъ, но не находилось охотниковъ и я просто бросилъ корзину на произволъ судьбы.

Въ послѣдній разъ я гляжу на комнату, на опрокинутыя вещи и думаю—кто это опрокинулъ, выбилъ меня изъ колеи, заставилъ бросить любимыя книги, вещи, картины, занятія. И взять маленькій, сѣренькій узелокъ, который для меня все—домъ, комната, отдыхъ, въ которомъ я вижу совсѣмъ ненужныя вещи—мыло, иголки, щетки. Пара чулокъ, рубаха и ни одной книги, записной тетрадки,—все, во что я такъ любилъ часто глядѣться, что поднимало, будило во мнѣ, лучшія струны души. Зачѣмъ мнѣ эти чужія вещи. Я не понимаю. Зачѣмъ?

7-IV—15 г. Кончено. Теперь я долженъ высоко держать знамя воина. Они простые, точно такія же какъ и я, обыватели подставляли лошадей, дѣлали все возможное, чтобы поспѣшить на помощь, чтобы переправить впередъ, возможно большее количество людей и не знали, что имъ дѣлать далѣе, отъ такой напасти? Рыжій мужикъ взятый

вмѣстѣ со мной, все собирающийся уйтти назадъ (т. е. народу хватить), теперь уже опустили голову, новыя мысли бродили въ его головѣ, да выходить и намъ втягиваться надо, понимаєте. Да, да, но позвольте, такъ ли это?

— Да, да такъ ли?

8.-IV—15 г. Итти. Бросай все. Кому легче, тому ли кто имѣетъ жену, дѣтей, домъ, или мнѣ неимѣющему ничего?

Скажутъ конечно мнѣ, скажутъ и ошибутся. О какъ необходимо знать, что гдѣ то есть уголъ, въ которомъ ты можешь найти пріютъ, что тамъ есть твои собственныя вещи-образы, есть люди, которые понесутъ продолженіе твоихъ заветныхъ желаній, твоей жизни!

9.-IV—15 г. И опять я ходилъ и ходилъ. Развѣ я не могу пойти на эти пути, развѣ мнѣ такъ уже очень горько и прискорбно. Нѣтъ и нѣтъ я хочу другого, я хочу жизни-счастья, радости, но я не могу итти на компромиссы и потому рѣшилъ ясно, твердо итти путемъ какимъ подсказываетъ совѣсть и только.

Дальше, дальше пусть уходитъ отъ меня жизнь, а я гляжу на идущую смерть и кричу.—„Да здравствуетъ жизнь“!

10.-IV—15 г. Онъ толстовецъ, онъ отказался отъ военной службы.—„Я не могу убивать человѣка“—вотъ что сказалъ онъ.—„Не могу“!

— Ну, я смотрѣлъ на него, что же онъ не предпринялъ другихъ путей. Но онъ угрюмо продолжалъ говорить:— „Не могу убивать“ и горькой ироніей прозвучали его слова.—„Не могу“ за ними встала тюрьма, ссылка, плеть и т. д. Въ современномъ вѣкѣ, есть ли такимъ людямъ мѣсто. Нѣтъ, не можетъ быть... Необходима та, или иная борьба... Брр... бр...

12-IV Вотъ уже семь дней, я дѣлаю шагъ на мѣстѣ. Бѣгаю по начальству, лежу въ казармѣ, слушаю шумъ, грохотъ, стукъ, звонъ и не могу отдать себѣ никакого отчета въ происходящемъ, только верчусь какъ бѣлка въ колесѣ.

Лица, документы, крикъ, гвалтъ... Все стонетъ вокругъ, все что-то требуетъ, а на душѣ такъ тоскливо скучно. Пожалуйте... Смирно... полъоборота направо... раз... два... раз... два...

Рыжій бодро кричитъ—„Черная галка, сѣрая каурка“. А я понять не могу, что меня тянетъ идти вмѣстѣ съ нимъ нога въ ногу—долгъ, обязанность къ родинѣ, или просыпающийся во мнѣ предокъ людоедъ. У меня нѣтъ никого, я одинъ, весь тутъ и все что я имѣю, это свои мысли-думы, что раздражаютъ [прожигаютъ какъ калеными углями на части мозгъ, и которые не узнаютъ люди т. к. я буду мертвъ. Господи! Господи!, какъ тянется мой взоръ ввысь и какъ онъ ищетъ тамъ отвѣта?

Да тотъ ли это Богъ, которому я молюсь, да есть ли что въ немъ, вѣдь онъ страшно жестокъ, какъ старый кровавый „Иегова“. Онъ требуетъ жертвъ. Крови, жертвъ. И кто не хочетъ жертвовать, идетъ противъ него и все равно повиненъ смерти. Пожалуйте!

13-IV—15 г. Я слушалъ, много, долго. И вдругъ опять явилась надежда—уйти, уйти отъ этого кошмара, отъ этой тяжелой жесткой дѣйствительности. Отъ чужихъ, для меня не понятныхъ словъ—ружья, пули, штыка, при одномъ воспоминаніи о которыхъ я вздрагиваю. Никогда я еще ни разу не испытывалъ такого тяжелого испытанія... Бр...Бр... Я не хочу, не могу, всей душой, протестую, жажду солнца, радости, жизни.—Не хочу!

15-IV—15 г. Я думаю, что послѣ восемнадцати часо-

ваго ученья, ничто не останется человѣческаго отъ меня, звѣрѣетъ сердце—мало по малу я чувствую, какъ выбивается изъ меня мое лично присвоенное. Дальше, дальше, что-то большое встало во мнѣ и всѣмъ существомъ протестуетъ противъ этого глубокого безправія, равнаго никакой ступени рабства. Личности нѣтъ, есть объектъ, икъ, подчиненный кому-то. Первое [слово „ты“ обрѣзало меня, за нимъ брезгливое отношеніе ко мнѣ, къ любимымъ именамъ.

Всѣ двѣ недѣли я только и дѣлалъ, что претерпѣвалъ одно за другимъ оскорбленія. Во мнѣ выбивались всѣ раньше мною усвоенныя понятія. Мнѣ прививали чужія имена, мысли. Ты человѣкъ иной породы. Ты не имѣешь права мыслить, имѣть своей воли. Крикъ начальника разговоръ чиновника - дѣлопроизводителя... Брр... рр... скверно!...

Какъ могъ я имъ объяснить, что возникновенія войны надо искатъ пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ, что глубокая необразованность—нарочное мѣшаніе, уничтоженіе, инициативы и организаторства привело къ оставленію многихъ цѣнностей? Что отъ культуры одного человѣка, или народа, комбинируется, колеблется въ ту, или другую сторону культура другого? Что, эти [слова, когда воткнешь штыкъ, то онъ врагъ инстинктивно судорожно хватается за него руками, поднимаютъ у меня внутри, то остро-жуткое желаніе въ ожесточенныхъ, сладострастныхъ ощущеніяхъ, заглушить эту судорожную хватку, а видъ мертвыхъ тѣлъ утончаетъ мои мозговые воспріятія и я уже слышу, чувствую, ощущаю одно—жажду желанія бросить ружье, закрыть глаза и бѣжать, и выть, выть проклятыя землѣ-матери, что она родила на свѣтъ меня!

И этотъ рядомъ со мной просящій взглядъ, простого рыжаго мужика, вдругъ сталъ мнѣ понятенъ. Онъ слабъ,

взоръ его устремленъ внизъ, все существо дрожить отъ груди тѣмъ наваленныхъ вокругъ него. Такъ дрожить, бьется конь, чувствуя впереди запахъ разлагающихся тѣлъ. Огромно сплетенная сѣть политическихъ комбинацій отъ которыхъ трещить, разрывается мозгъ.

16. IV. Полякъ —твердить о вредѣ евреевъ, онъ былъ убѣжденъ, что много бѣдъ отъ нихъ, они де хотѣли скупить земли изъ рукъ поляковъ и сдѣлать всѣхъ ихъ пролетаріамъ у себя.—Но куда имъ дѣться, дали черту осѣдлости, не смѣи изъ нея выдвинуться, какъ бы вы поступили на ихъ мѣстѣ, какъ смѣшно думать о землѣ, исключительно только для себя, забывать объ остальныхъ?

17. IV. Я читаю о русскихъ побѣдахъ, о побѣдахъ англичанъ, и мнѣ становится легче. Я сразу воскресаю душой, но какъ я падаю внизъ, когда слышу о пораженіяхъ. Что это? Куда же дѣлось мое понятіе о цѣнности человѣка, куда?

Убійство точно такихъ же какъ и я. Убійство массъ и я имъ еще радуюсь. Цѣнность человѣка? Если вы при вещи, которая стоитъ дорого, автомобиль, или другая сложная машина, вы можете быть живымъ, не васъ цѣнятъ, а ту машину при которой вы служите, управляете, она цѣнна и терять ее опасно, но если вы стоите только при штыкѣ, ваша цѣнность равна цѣнности штыка. Какъ я хочу жизни человѣка и какъ я вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю свою глубокую неправоту, жажду удара врагу. И вновь надежда промелькнула предо мной.—А можетъ быть миръ... Господи, порою я готовъ отдать все за миръ, только бы миръ.. О, эта тяжесть, что давить меня, какъ камень!

18. IV. Я слишкомъ много теряюсь, дѣлаюсь невозможнымъ, слишкомъ нервы утончены и то что находится еще такъ далеко, больно бьетъ уже меня.

Рыжий спутникъ теперь опустилъ голову Я, нѣтъ видно теперь ужъ не вернуть насъ, какъ было зной, теперь тепло, народъ нуженъ. Что же дѣлать. Онъ все ниже и ниже опускаетъ голову,—значить прощай, теперь бы его только встрѣтить, дать ему лучше отпоръ, тогда скорѣе конецъ. Конецъ! Миръ! Вотъ два магическихъ слова, которые застлали отъ меня все и выше которыхъ мнѣ никогда не подняться.

17—IV. Я вспомнилъ, какъ разъ я пришелъ въ своемъ костюмѣ, какъ былъ въ шляпѣ и башмакахъ и сѣлъ, окружающіе рѣшили глядя на костюмъ, на шляпу, что я не русскій, а нѣмецъ и рѣшили бить меня, сговариваясь они косо кивали въ мою сторону „нѣмецъ“. И было досадно, и глупо отъ ихъ взглядовъ.

18—IV Узкое длинное зданіе и въ немъ насъ тысяча человѣкъ, нельзя отлучаться и спать надо вмѣстѣ, дабы во время вскочить утромъ въ четыре часа утра и маршировать до восьми вечера.

19—IV. Какъ непріятны мнѣ вдругъ стали всѣ окружающія лица, ихъ удовольствія, обыденные разговоры, какимъ то далекимъ, чужимъ, ненужнымъ, кажется все это. Меня изъ казармъ звали на спектакль, но я не понимаю развѣ можно идти? Въ моемъ мозгу только одно, чтобы оттолкнуть отъ себя то, что-то большое, что нависло на меня. И когда я вижу маленькое, что можетъ помочь-оттолкнуть, мои мысли реагируютъ по другому, я оживаю, начинаю видѣть людей, понимаю ихъ слова, рѣчь, и въ противномъ случаѣ я глухъ и нѣмъ ко всему, что слышу, вижу.

Вдругъ зашѣли.. Иѣсь огромная, большая, широко захватываетъ фронтъ. Настроеніе приподнимаясь, измѣняется, ровно открылись какіе то клапаны обдающіе меня иной температурой.—„Служить царю святою вѣрой и въ карау-

лахъ голодать и рукавомъ шинели сѣрой, украдкой слезы утирать.

— Неутолить тоски бессонной, на сердце пьяное вино, въ казармѣ каменной и темной, три года жить мнѣ суждено.

— „Душа не будетъ жизни рада, печаль все глубже дна достала, награда въ петлицу дана, свинцово-мѣдная медаль.

Готово!...

Но что дѣлать, гдѣ взять начало, гдѣ отыскать для всѣхъ другіе пути, я понять не могу? Мы мирные жители да, насъ взяли иди, и все тутъ.

Позвольте, а вашъ долгъ, ваша обязанность, передъ родиной, государствомъ. Неужели вы до сихъ поръ не можете осмыслить—понять. И размахавъ этой пѣснѣ, въ этой дружнотѣ, въ этой радости съ которой люди двигаются на встрѣчу смерти. Вѣдь это же вторая юность.. Вторая?

— А—га Ну ву, что же тутъ плохого. Все худшее осталось здѣсь. Лучшее бьется—живетъ ярко, а худшее прозябаетъ, тихонько выглядываетъ на новыя формы жизни. Думаетъ, придется ли потомъ хотя, бы жить по старому, бьется, бьется.

Здравствуй же новая жизнь, по другому я смотрю на нее!

Есть что-то большое во всемъ предо мной и я перешагиваю порогъ въ это новое и говорю—„да будетъ! Итти... Итти!!! Но, такъ ли это, такъ ли?

21. IV. Помощь оказывается соломинкой, за которую нельзя умереть я вдругъ будто проваливаюсь въ черную, глубокую пропасть, на днѣ которой начинаю маршировать, бѣгать съ стальнымъ предметомъ въ рукахъ и вталкивать его во что то мягкое, имѣющее также какъ и я—руки, и ноги, и голову, въ которую вставлены два большихъ глаза,

которые и смотреть на меня во всю, словно пронзают, что-то ждуть спрашивают?

22. IV. Я много толковалъ. Ихъ было двое, они уже освободились ввиду учета и ихъ лица были самодовольно упитаны и вдругъ я прочиталъ въ ихъ глазахъ одно — „поди-ка, теперь ты, а мы свое отбыли!“ Проналъ ихъ страхъ. Строгая вѣѣланность, оцѣнка. Они разсуждали о томъ, чтобы продолжать войну до конца, бить нѣмца, — о нашемъ славномъ войскѣ, о подъемѣ и т. д. безъ конца, и не понимали самага главнаго, что они живые и не чувствуя сами, могутъ ли разсуждать?

И тоскливо, тяжело было у меня, глядя на нихъ на души.

За стаканомъ чая, или за обѣдомъ для пищеваренія пріятно разсуждать о чужой шкурѣ. Не оцѣнивать каждаго слова, каждаго поступка-шага, вали за счетъ чужой.

Господи, какъ мнѣ хотѣлось крикнуть — стойте, что вы дѣлаете, зачѣмъ вы, переполнили ямы людской кровью! зачѣмъ?

Но ихъ уже захватили свои мелочные, обыденные, житейскіе вопросы, имъ они были много дороже того, что гдѣ-то далеко происходило жестокое, бессмысленное, неслыханное. Вѣдь не они участники, они только зрители и имъ чѣмъ ярче зрѣлище, тѣмъ интереснѣе. Гдѣ отвѣтъ всему?

Милліоны людей ополчились другъ противъ друга, разныхъ и единыхъ вѣръ. Что ими руководить, ужъ не вотъ ли эта масса безучастныхъ зрителей.

Ибо па войнѣ человекъ есть пылинка, ниже пылинки и цѣнности жизни нѣтъ. Цѣнность? Кто побывалъ — тотъ пойметъ, что разговоръ о достоинствѣ, о цѣнности быть не можетъ, все должно быть выкинуто. Простая машина заводимая механически и все тутъ. Отсюда и взглядъ упро-

щается — во время накормить машину, во время дать смазку-передышку, это пожалуй, да и то не всегда, вѣдь иногда необходимо за неимѣніемъ времени послать и безъ передышки, пусть лучше поскрипитъ, потомъ, въ лучшія времена, если вытерпитъ, смажемъ, если же нѣтъ, будетъ поставлена другая. Но надъ этой машиной долженъ стоять кто-то, который по своему усмотрѣнію пускаетъ ее въ ту, или другую сторону.

23. IV. Больше я уже не увижу ни тополей, ни лѣсовъ, ни этого свѣтлаго неба. Боже мой, какъ для меня не понятно-чужды эти слова-рѣчи: о ружье, атаки, нападеніи объ отдаѣ чести и какъ я чувствую, что все мое существо возмущается противъ этого насилія, я не понимаю, ничего не могу подѣлать — узка клѣтка, все уже и уже она. Все больше и больше меня втискиваютъ, подгоняютъ, подхлестываютъ противъ моего желанія, въ то время, когда всѣ фибры всего моего существа протестуютъ-жаждутъ иного.

Въ то время, когда меня рветъ отъ сѣраго сукна, отъ вида ружья, отъ бряцанья-стука, та-же тюрьма, только еще и съ увѣренностью, — что убьютъ. Осужденный на смерть. А эти подогрѣванія продолжаются. Идите, идите, за вами честь, за вами слава и все что ждетъ отъ васъ родина. О Боже мой, гдѣ мнѣ найти силы, для всего обрушившагося на меня, кому я скажу о всемъ томъ, по чемъ скорбитъ моя душа. Зачѣмъ мнѣ это [ружье втыкать въ тѣло другого, такого же какъ я? Горько, тоскливо, тяжело!

23. IV. Вечеръ. Рядомъ лежитъ онъ, дядька. — Пѣхота! а лучше бы тому человѣку на свѣтъ не родиться, который попадетъ въ пѣхоту, кто не знаетъ, что такое пѣхота? Навьючатъ на тебя — сумку, палатку, лопатку, топорикъ и тащи, а ружье, а патроны? О, Господи, и какъ эти люди додума-

лись до этой пѣхоты, самъ онъ на лошади, фельдфебель на двуколкѣ, а ты шагай и шагай.

24. IV. Мать вязала, перебирая спицы. Блѣдныя уста шептали счетъ, а длинныя худыя пальцы дѣлали заученныя автоматическія движенія. Мужъ тамъ пишетъ письма-живъ чего же болѣ. Какъ бы знали что будетъ война, не строили бы избу, а такъ у своихъ пережили бы.

А то дворъ остался незагороженнымъ—сама съ ребенкомъ, выдали на обсѣменение три пуда, а чего на [три пуда, одинъ осьминникъ. Посobie два рубля тридцать копѣекъ на меня, да на ребенка по девяносто копѣекъ выдаютъ. Комитетчики!

24. IV. Вечеръ. Мнѣ кажется и не мѣсяцъ и не два прошло съ тѣхъ поръ какъ меня забрали въ ополченіе. Я потерялъ счетъ днямъ, себѣ и мнѣ кажется то была сказка, что я когда то сидѣлъ за столомъ окруженный тетрадами, книгами, лицами глядящихъ на меня съ фотографическихъ портретовъ. Что въ окно стучалась сирень, а издадека по ночной тишинѣ доносились тихіе звуки гитары. Вѣдь я теперь не принадлежу себѣ, я только рабъ включительно до мозга костей. Я продаю свою кровь, тѣло и не спрашиваю, по чьему почину и кому это нужно?

25. IV. Когда говорятъ эти официальные* лица-батьшки, начальники станцій, купцы, офицеры-казеннымъ языкомъ, тянутъ тянутъ китайщину,—весь свѣтъ сжать въ кулакъ, тогда сжимается моя душа, и я хочу одного, молчать.

26. IV. У него, высокаго, огромнаго, плечистаго рыжаго утащила пятнадцать рублей во время сна. Вырѣзали изъ кармана подштанниковъ и онъ плакалъ, какъ малый ребенокъ—закапалъ всю бумагу, конвертъ, когда я ему писалъ письмо съ просьбой о присылкѣ денегъ. Тяжело бы-

ло просить у бабы, на руках которой четверо ребятъ. — „И сама если вадумаешь ѣхать, то пиши скорѣй, чтобы не ошибиться зря, если возможно будетъ, я тебѣ отстучаю телеграмму, когда насъ отправятъ. Эта сѣрая шинелька на мнѣ. Тюфяковъ нѣтъ, спимъ прямо на полу. На что они нужны, два дня, какъ отобрали, въ походъ собираться скоро. Врачъ, чиновникъ, офицеръ, писарь все это военная аристократія предъ нами. Всѣ они имѣютъ мало-мальски сносное существованіе—кровать, постель и пока до смерти еще они будутъ чувствовать себя людьми. Есть маленькая свобода, есть средства, т. е. всѣ они получаютъ жалованье—прогонныя и т. д. А я сѣрая шинелька имѣю шестьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ, да бурду жидкую, которую хлѣбаю оловянной ложкой, и уже задолго до смерти я чувствую ее, смерть, потому режиму, что окружилъ меня. Сказать некому, повѣдать тоже, одна надежда—на миръ...

—Господи, соверши великое чудо пошли миръ, молился съ большой бородой—сорока четырехлѣтній ополченецъ изъ запаса.— „Папаша, папаша, ты какъ думаешь, скоро что ли онъ будетъ. О, Господи, Господи, что же это такое? И смотреть глаза деревенскіе парня каждому въ ротъ. А рядомъ жадныя фізіономіи избавившіеся тѣмъ, или другимъ путемъ, кричатъ задыхаясь съ пѣной у рта:—„мы пройдемъ до Берлина, уничтожимъ вдрызгъ Германца, жадно спѣшать набить карманы, на великомъ чужомъ несчастіѣ. А деревенскій парень твердить и твердить—„папаша, а папаша ты старый, ты долженъ знать скоро ли?

26-IV Вечеръ... Приказъ по войскамъ. По главнымъ улицамъ нижнимъ чинамъ воспрещается ходить. Нельзя. Ополченіе это не военщина. Въ три недѣли нельзя сдѣлаться солдатомъ, а ихъ дѣлаютъ. Подъ арестъ на гауптвахту, пожалуйста за каждую малость. Огородникъ дѣлаетъ огородъ

дѣлаетъ медленно, осторожно. Вспахиваетъ поле, удобряетъ насколько можетъ. А ополченецъ сразу шелъ и маршировалъ. — Я страдала день и ночь, выстрадала сына, дочь. И въ лодкѣ вода, и подъ лодкой вода, дѣвки юбки подмочили, перевозчикамъ бѣда. Тупые, русскіе подневольные мужики-кадровики поднимали чѣмъ свѣтъ ополченца, заставляли пѣть и гоняли, гоняли безъ толку—смысла. Пой... черти... пой!..

— Милъ уѣхалъ мнѣ такъ больно, тоска на грудь мою легла, шутить смѣяться не могу...

28-IV. Боже мой. И вдругъ промелькнула, поднялась предо мной завѣса, иной свѣтлой жизни. Работа красивая въ которой трепещутъ всѣ фибры души-тѣла, полная любви, зовущая къ жизни, а не это изученіе искусства зовущаго къ смерти, разложенію убійству другого.. Бр.. рр.. и я почувствовалъ, какъ все во мнѣ задрожало, заплѣло отъ поднявшейся завѣсы, но она сразу задернулась, кончилось. Грязное бѣлье, насѣкомыя, лежанье въ повалку плотно рядомъ съ такими же потными распаренными тѣлами, какъ и мое тѣло. Грубые окрики, похоже было на сарай, гдѣ содержался убойный скотъ и только изрѣдка воспоминаніе мужика о посѣвѣ, о жизни деревни, разгоняли эти тучи!

29-IV. Послѣ войны, что будетъ? Ничего не будетъ, только наложить съ нашего брата еще налоги, еще тяжелѣе будетъ. Они и сейчасъ, спервоначалу войны относились терпимо а теперь чуть-чуть—на гауптвахту, пошелъ полъ-оборота на-право. Ать.. два!.. Эти испуганные лица съ раскрытыми ртами, съ закрытыми глазами.

— Необходимо, чтобы у Сибири былъ свой мѣстный парламентъ, у Кавказа тоже свой, у Польши, у Малороссіи, у Средней-Азіи и выбирался изъ мѣстныхъ парламентскихъ съѣздовъ—въ Петроградъ, или Москвѣ одинъ общій... Кто

это твердить... Мѣстные парламенты, срочно, съ мѣста въ карьерѣ, принялись бы строить желѣзныя дороги, заводы, фабрики, школы, распредѣлять налоги и т. д. А то, извольте ли видѣть изъ Владивостока, да выѣзжайте-ка въ Петроградъ, за двѣнадцать тысячъ верстъ докладывать о своихъ нуждахъ. Онъ говорилъ и говорилъ и опять раскрывалась завѣса, и опять до безумія хотѣлось жизни...

Жить, жить, жить...

30- IV. День ополченца.

Въ четыре часа утра несется команда, дежурнаго по ротѣ. Вставать!.. Пошелъ за кипяткомъ. И груды разгоряченныхъ тѣлъ вскакиваетъ съ пола, плескаетъ себя въ лицо и спѣша, пьетъ на скорую руку кипятокъ. На занятіе! Раз... два... раз... два... Словесность... садись... Этотъ осатапѣлый ежедневный счетъгулко несется по казармамъ. Докладъ дневальнаго ротному—о количествѣ ополченцевъ: столько-то на лицо, столько то въ лазаретъ, столько то на гауптвахтѣ. Унтеръ осматриваетъ—„подтянись, чего выпустилъ пузо... Ишь“...

Маршъ, маршемъ... два часа гонянья, когда ничего не имѣешь своего собственнаго, все казенное, заранѣе установленное, и отдыхъ на полянкѣ лужайкѣ, опять словесность, потомъ опять ряды вдвой, рассыпной строй и когда возвращаются на обѣдъ, пѣсни широкія, могучія, русскія пѣсни, когда забываешь все, кто ты есть, зачѣмъ идешь, зачѣмъ попалъ сюда и когда вдругъ оборвется пѣснь и впопыхъ посыпятся—раз... два... ногу... ногу... чорты! Кажется, что ты упалъ въ какую то кишачую червями яму и самъ ты червь и кто-то ходитъ и давить и мечь, и рядомъ такихъ же, какъ и я червей, и никто изъ насъ ни звука протеста, слишкомъ нѣтъ свѣта, чтобы вспомнить о свѣтѣ, о другихъ формахъ жизни. Послѣ обѣда, опять

снова... ать... два... ать... два... разсчитайся? Чужое совершенно ненужное дѣло, отъ котораго хотѣлось бы закрыть глаза и бѣжать, бѣжать безъ оглядки, или съѣсть и кричать, кричать и день и ночь людямъ, что убійство, есть всегда убійство самое нехорошее, самое нечеловѣческое дѣло. Сердце, бѣдное сердце, сжатое въ комокъ. Небольшой отдыхъ, — садись на часъ. Словесность. Потомъ часъ ружейные приемы. Съ колѣна, съ плеча, на руку, съ земли... Когда рота построена, команда— „направо, равняйся. Разсчитайся... Первый, второй потомъ рота выравнивается—ряды сдвой... Стройся, въ взводную команду, по отдѣленіямъ. Первый, за второго, четвертый за третьяго. Шагъ на мѣстѣ, двойной шагъ впередъ, назадъ, влѣво, вправо, закройся отъ непріятеля. Захожденіе, ружейные приемы.

Заходите въ затылокъ что-бы красиво было, существуетъ здѣсь для начальства умри на мѣстѣ, а на позиціи, какъ придешь совсѣмъ другое тамъ остаешься глазъ на глазъ одинъ самъ съ собой, вѣришь съ своей смертью“. Пой пѣсни, а иначе если не хочешь бѣгомъ, арш... ать... два... кругомъ арш!.. Самъ стоитъ, а мы бѣгаемъ и бѣгаемъ ровно сумашедшіе вокругъ—лошадь на кордѣ такъ не бѣгаетъ какъ мы. По шоссе очень плохо, всѣ ноги въ кровь давно сбились.

Военная служба требуетъ все во время—обѣдъ, ужинъ, а тутъ ноги сбились и за обѣдомъ бѣжать не хочется, за кипяткомъ далеко версты двѣ. Впрочемъ кипятокъ отмѣняють, скоро въ походъ.

Бабы продають сало, коржики, хлѣбъ, хорошо-бы купить, да жалованье мало, двѣ копейки въ день.

30, IV. Вечеръ. Мой племянникъ было ихъ двое, у одного бѣльма на глазахъ, плохо видитъ, а второй какъ яблочко налитое. Отецъ его старикъ семидесяти лѣтъ и мать

тоже, такая же старая. Какъ взяли его гожаго, такъ отецъ изъ ружья охотничьяго съ гора бацъ, прямо черезъ горло въ мозгъ. Упалъ убитый своей рукой, а его гожаго то, все таки, взяли, гоняли, такъ, что ноги всё въ крови, говорить и лучше-бы мать не родила на свѣтъ, чѣмъ такъ маяться, мучиться. Гоняли съ ранняго утра до поздней ночи полтора мѣсяца. Узнай все, что надо узнать за три года, а потомъ на позицію. Ранили, ребра вышибли, только три дня и былъ въ бою, умеръ не донесли до лазарета. Ну, мать скучать, онъ къ ней видно и сталъ по ночамъ являться—задушилъ. Что подѣлаешь, остался только одинъ слѣпой милостыню собирать, подавать некому, ухаживать водиться съ нимъ развѣ есть кому. О, Господи, Господи и сколько изъ нашего села убитыхъ и раненыхъ нѣсть числа!

31. IV. Скучно, грустно, тоскливо.

И остался одинъ, слушаю пѣснь. И какъ будто давно съ нею жилъ. Сумерки шумъ, гамъ, суета сжимается сердце. Конечно, когда я переступилъ порогъ зданія казармы, я понялъ что моя личная воля, осталась тамъ за порогомъ, что больше уже я самъ себя не принадлежу, всякій кто имѣетъ хотя бы часъ въ сутки, на который другой не посягаетъ, еще имѣетъ проблески индивидуализма, но когда всё двадцать четыре часа отданы и не оставлено ни минуты. Конечно. А тягучая, грустная пѣснь покрываетъ выливаетъ все. „Ночи темныя, тучи грозныя, собирались вокругъ, наши храбрые ребята со ученьица идутъ...—А... А... А... И счастливый тотъ мальчишка, который службы то не зналъ, а я бѣдный и несчастный сейчасъ на службѣ нахожусь. Въ солдатахъ по три дня не ѣвши и радъ сухому сухарю, придешь въ квартиришкѣ холодной, въ три погибели согнешься на жесткомъ полу.

—Атъ... два... аать... два... Ногу... ногу... дьяволъ не

ту. Чортъ...—Слеза на грудь мою скатилась, послѣдній разъ прощай сказалъ. Прощай отецъ и мать родная, простите сына своего. Сѣдай отецъ коня гнѣдого съ черкесскимъ убраннымъ сѣдломъ. Я саду на коня гнѣдого, поѣду въ чужую дальнюю сторону. Узнай когда я ворочусь опять на родину свою?—Атъ... два... атъ... два!.. И вдругъ и опять схватилъ, повялъ этотъ высшій синтезъ, что двигаетъ въ бой, объединяетъ и заставляетъ биться до послѣдняго издыханія. Пѣсвь подсказала мнѣ. И вдругъ ясная, цѣльная прекрасная родина, собранная по маленькимъ кусочкамъ предками встаетъ всей мощью предъ утонченнымъ, напряженнымъ моимъ взоромъ. И я понимаю—осязаю смыслъ борьбы и уже въ туманѣ мелькаютъ отдѣльно лица, классы обманъ, грубое насиліе солдатчины. И въ пѣснѣ, какъ въ молитвѣ, осязаются эти маленькія крупинки, что когда то дала моимъ предкамъ, а въ мѣстѣ съ ними и мнѣ, родина. И теперь онѣ крупинки—блага родины, увеличиваются и увеличиваются, дѣлаются огромными и двигаютъ, двигаютъ меня, даютъ силы держать ружье.

31-IV Вечеръ. Звонъ.. Гулко, мощно, сочно разносится звонъ. Тяжелый, густой, отрывистый басъ собора, нѣжно-серебристый альтъ архіерейской церкви, мягкій, бархатистый баритонъ Петра и Павла, тонко-крикливый, звонко-пронизывающій, женскаго монастыря, все смѣшалось въ веселомъ раннемъ утрѣ. Въ синемъ небѣ котораго рѣяли жаворонки, а звонъ лился и лился, все мѣшая и впитывая въ себя, звалъ, манилъ и покрывалъ всѣ остальные звуки, напоминалъ о какихъ то иныхъ, совсѣмъ не похожихъ на эти сейчасъ наши формы жизни. Ты гражданинъ, ты долженъ—обязанъ отдать руку, ногу, ребро, голову, за право жить въ своей родинѣ, за право ея чести и свободы. Въ древности приносилъ себя въ жертву, дѣлали—наносили

сами себѣ раны въ особыхъ храмахъ богинѣ—„Астарты“, теперь это должно дѣлать въ честь Бога „Родины“. Но вѣдь есть счастливыя страны, которыя не приносятъ этихъ жертвъ—Америка, Австралія и не будутъ приносить. Чѣмъ счастливѣе ихъ народъ?

— „Папаша, а папаша.—И какому Богу молятся тѣ страны въ которыхъ войны не бываетъ. Скоро ли кончится война, скоро ли будетъ миръ. Видишь безъ ногъ остался голова разбита, куда я теперь дѣнусь. Простодушные глаза деревенскаго парня продолжаютъ смотрѣть на меня?

И какому Богу они молятся, что снялъ съ нихъ ужасную обязанность повинность отдать все лучшее, самое цѣнное? Ноги мои стерты въ кровь—эти твердые камни мостовой, какъ иглы вонзаются въ меня. Губы пересмакли, во рту набралась пыль, внутри горитъ, пышетъ. „Ружье отдало плечо“. И хочется бросить все: скинуть сапоги, всю походную тяжесть, надѣть сандалин, легкую обувь... Ат... два... ат... два... Лѣвый, лѣвый чертъ!..

Проѣхали казаки—это аристократы, имъ не знакомы тяжесть спины, сбитыя въ кровь ноги, пересмакшій жаръ огня внутри. Есть и еще аристократы—крѣпостная артиллерія, драгуны, да, пѣхотинцы передъ ними паріи жизни.

2-V. Казаки народъ исключительный, выросшій на степномъ раздолье. Ихъ образъ жизни, постоянная воинская обязанность, съ ей невзгодами развѣдочной службы, съ широкимъ размахомъ, воспитанный въ постоянномъ общеніи съ природой и разгуль природы, разгуль ихъ. Конечно имъ непонятно, какъ другіе, оторванные временно на минуту отъ своихъ природныхъ занятій, не могутъ приспособиться къ военной жизни. Ихъ обвиняютъ въ грабежѣ. Да будьте вы всю жизнь на военной службѣ, развѣ не потащите домой все то, что ни попадетъ подъ руку.

Казакъ ѣдетъ обратно къ дому, къ хозяйству. Онъ ѣдетъ, чувствуетъ, что у него все цѣло и покойна его душа. Онъ вернется къ отдыху. А я, къ чему вернусь, что у меня есть. Последнее, что было я понемногу разбросалъ куда могъ, т. к. за квартиру платить не могъ.—Чай пила я съ кишмишемъ, пришла домой нагишемъ.—Но позвольте, а интеллегенція?

3-V. Интеллегенція поняла свое значеніе. На войнѣ она самоотверженно заняла мѣста врачей, распорядителей и не большая часть офицерами. „Конечно въ матеріальномъ отношеніи она не страдала, но еще выигрывала благодаря усиленнымъ окладамъ, порціямъ и т. д. также, какъ и буржуазная среда-купцы, фабриканты, заводчики. Одинъ только бѣдный классъ, такъ называемый пролетаріатъ, терялъ почти все. Жалованье солдату шестьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ, поэтому каждый продавалъ последнее и забиралъ съ собой, что либо, чтобы быть живому. Изъ дому даже изъ пособія выдаваемого женѣ и ребятамъ присылали. Огромное разстройство въ хозяйствѣ и страданія отъ ранъ-лишеніи и т. д. Первые слѣва, которыми меня встрѣтили,— Вы черную работу не работали, „нѣтъ“ — трудно вамъ будетъ, въ мѣсяцъ изъ васъ надо сдѣлать солдата, сами посудите, какъ трудно? Но все таки дальше. Интеллегенція ожила, она выставила организаторовъ. Ей опять нашлось много живого дѣла. И печать въ ея рукахъ и рукахъ буржуазіи, обрабатывала черную непонимающую массу. И успокоенный, ошеломленный, какъ скотъ ошеломляютъ обухомъ по головѣ, былъ прогнанъ пролетаріатъ на бойню. Тоже грубое удовольствіе черной массы, которое онъ не пыталъ и всегда, когда имѣлъ свободное время, ни одного разумнаго развлеченія, или обученія, все что онъ имѣлъ до этого все онъ принесъ съ собой, чтобы развлечься на последнемъ

смертномъ пути. Самому наложить руки совѣстно, а тутъ кто нибудь, да останется живъ, и можетъ безъ руки, или ноги, да жить будетъ!

4-V. Обыкновенный, маленькій человѣкъ писарь, сдѣлалъ мнѣ подарокъ въ одинъ день собственной жизни... Бр... рр... И какъ мнѣ вдругъ захотѣлось бѣжать, скрыться далеко, далеко. Боже, Боже мой! Вижу опущенныя головы-фигуры военныхъ въ храмахъ, тамъ они ищутъ отвѣта на дальнѣйшій вопросъ своей жизни. И жадно ловятъ—ждутъ чуда—какого то непонятнаго для нихъ чуда?

Удивительно, вся русская масса военныхъ—плохіе организаторы, совѣтъ не знакомы съ экономическими науками, а смутно ищутъ, ищутъ разрѣшенія вопроса, быть или не быть въ другихъ надземныхъ сферахъ? Они не видятъ страданій обездоленныхъ классовъ-бѣднаго умомъ и бѣднаго наслажденіемъ жажды жизни „меньшого“ брата. Они не чувствуютъ, что онъ, только онъ одинъ, этотъ могучій классъ, могъ бы кончить войну, протянуть другъ другу руку, не видятъ что человѣкъ для того, чтобы выгадать себѣ грошъ, способенъ всегда привести другого въ жертву. Вотъ что я знаю. Только въ несчастіи люди пользуются еще сильнѣе.

А я, виновать ли въ томъ, что я чувствую дыханіе весны, всю прелесть жизни и лепетъ листьевъ, шелестъ травы, дыханіе вѣтра? ружье въ рукахъ, въ отрою. Отчего порою въ душу вкладываются какія то новыя струнки-штрихи. Испитое лицо, глаза, показывающіе крайнюю душевную и тѣлесную усталость, и весь онъ щупленькій едва, едва двигающійся это не то, что сидящій напротивъ молодой татаринъ-краснощекий, неунывающий, уплетающій за обѣдъ и наивно постоянно оглядывающійся. Или изъ другой шеренги доброволецъ. Небольшого роста, крѣпкаго тѣло-

сложения, который постоянно возмущается—„что такое, я хотѣлъ бы туда понасть, какъ можно скорѣе быть въ бою, а на мою долю, должно быть ничего не останется вотъ горе-то“! Это другой. Вся мольба, всепрощеніе. Чувствуется изъ его позы и движенія, что онъ никогда не былъ воиномъ, и не будетъ!

28-V. Мы ѣдемъ и ѣдемъ въ вагонъ четвертаго класса, который грохочетъ какъ разохшая телега... Теперь конечно, теперь дорога прямая...

Рядомъ лежитъ вольноопредѣляющій, возвращающійся съ нами на фронтъ и рассказываетъ—тянетъ свое.

—Бросились выручать. Засѣли. Сидимъ три дня въ окопахъ, пострѣливаемъ, хлѣба пѣтъ, къ пулямъ попривыкли. Но безъ хлѣба плохо. Вдругъ кричатъ мою фамилію...—Пожалуйте-ка вольноопредѣляющій, бумага пришла...

Читаю—держать экзаменъ, ѣхать въ свой родной городъ.

—Господи и сразу передо мною ясно такъ встало все что было дома мать, отецъ, маленькая сестренка и такъ мнѣ вдругъ захотѣлось еще разъ глянуть на нихъ и опять тупое безразличіе замѣнилъ страхъ, что вотъ эти пули проклятыя доконаютъ и не увидишь никого, ничего кромѣ мерзлой, чужой земли... Ползкомъ, ползкомъ изъ окоповъ. вышелъ изъ подъ выстрѣловъ, очутился здѣсь.

Я уже парій жизни ничего не имѣющій, такіе какъ въ древнемъ мірѣ были гладіаторы, ихъ ничего не имѣющихъ посылали закалывать, точно такихъ же ничего не имѣющихъ и они шли движимыя одной жаждой, лишь бы раньше времени самого не убили, еще нѣсколько дней, часовъ, минутъ прожить въ жизни. Выставляютъ сзади пулеметы по дрогнувшимъ и бьютъ своя, своихъ... Лишь бы прожить лишннихъ...

29-V. Вечеръ... Гдѣ бы я не ходилъ, чтобы я не дѣлалъ...

одни мысли въ головѣ, словно чугунныя гири, на плечахъ. Необходимо... Да почему-же необходимо?

И отъѣденные жирные тѣла—лица встрѣчающихся на станціи господъ и госпожъ, и господинъ-госпожа, раскаты-вающиеся въ каретъ съ благообразной улыбкой о, какъ вдругъ они мнѣ становятся ненавистны, вѣдь я могу при счастливой случайности вернуться, приду безъ руки, или безъ ноги и буду сидѣть, какъ сидитъ вонъ тотъ калѣка у забора съ чашкой, у меня нѣтъ ни дома, ни лошадей, мнѣ негдѣ даже было оставить свои вещи и я знаю, что теперь мнѣ ихъ больше уже не завести никогда, слишкомъ много лѣтъ заводилъ и слишкомъ скоро бросилъ, а онъ этотъ господинъ до конца дней своихъ, все также будетъ развѣзжать, ласково улыбаться и жирѣть, жирѣть сжимая горло моихъ оставшихся братьевъ пухлой рукой и не давая имъ возможности мыслить, чтобы въ будущемъ они не могли избѣжать точно такой же бойни. Сестра зачѣмъ вы такая здоровая?

30-V. И вотъ я продолжаю сидѣть въ вагонѣ и смотрѣть куда пошло. Предо мной еженедѣльный журналъ юморъ. Но на душѣ у меня дѣлается скверно, зачѣмъ къ чему эти размалеванныя фізіономіи подписано военный и ничего общаго съ войной неимѣющей, все равно какъ написать подъ бревномъ—„сіе есть храмъ“.

Смотрю на ребенка, маленькаго ребенка, онъ машетъ рученками, запикиваетъ пальцы въ ротъ—и поетъ пѣсенки, коротенькія, отрывистыя пѣсенки—о жизни, о солнцѣ, о всемъ томъ, что впервые ему улыбнулось.

Да, я кончилъ со всѣми расчетами дѣлами и со всѣмъ.

Я ѣду. Поѣздъ подхватилъ меня и какъ вѣтеръ, песчинку выбросить, сшвырнуть, по мановенію чьей то руки

туда, откуда я могу только возвратиться оставивъ только что либо отъ своего тѣла, или совсѣмъ остаться на полѣ брани. Какъ зовутъ ту мѣстность по которой сыпать сотни тысячъ пудовъ чугуна люди, чтобы убить себѣ подобныхъ. Какъ? Меня тянетъ рвать, рвать отъ всего того, что я чувствую внутри. Огромно то, что я хочу поднять, да и поднять ли мнѣ. Какъ я обрадовался, когда услышалъ на станціи что велѣли четыре дня флаги вывѣсить.—„Ужъ не перемиріе ли это? пробурчалъ сосѣдь, а у меня сердце сильно-сильно застучало и я тяжело сталъ дышать, да развѣ это возможно—нѣтъ и нѣтъ. Но до коихъ же поръ держаться?

Дѣло сдѣлано—пять, шесть дней переѣзда, а потомъ уже. И... И этотъ яркій свѣтъ придаетъ людямъ еще больше нязищества. Боже, какъ подумаю о томъ, что впереди предстоитъ, такъ тоска сжимаетъ мою грудь. Но зачѣмъ же это такое грубое насиліе и только сознаніе, что еще впереди четыре дня, успокаиваетъ меня, четыре дня о, какое огромное разстояніе. Гдѣ то далеко-далеко отъ меня онъ. Зачѣмъ онъ, къ чему, когда душа моя всѣмъ существомъ протестуетъ противъ. Развѣ онъ мой противникъ, какъ и я не знаетъ, что это затѣяли люди другого класса. Тѣ у которыхъ медъ на устахъ и съ отравой сѣрной кислоты колбы въ рукахъ. Имъ жаднымъ все мало, это имъ надо убить меня, убить во чтобы то ни стало, чтобы я больше не жилъ, нечувствовалъ, чтобы не сознавалъ всей прелести окружающей природы! Юрта, два телка, самъ поджавши ноги калачикомъ, загороженный уголъ съ водой и небо, свѣтлое небо, глядящее въ открытое отверстіе юрты. Вотъ чѣмъ бы я удовольствовался. Козырь (сейчасъ), пикнуть (поспѣть).

30-V. Утро, чудно-прекрасное утро. Вдва, едва проби-

ваются лучи солнца, задорно-гортанно перекликаются пѣтухи... Ку... ку... ре... ку! Кричатъ телята, блеютъ овцы, сѣмняго неба несется трель жаворонка—протянулся ударъ колокола и утро встало въ свои права, трава умывается росой. Кукушка степная высчитывающая сколько кому осталось жить, трель бубенчика на шеѣ жеребенка и звонкій топотъ коней, вмѣстѣ съ вдаль безъ конца уходящими пространствами степи, отдають должное утру. Двѣ точки зрѣнія—общая и частная. Общая, хорошо-бы скорѣе слопать нѣмца, вступилась бы Италія, пали Дарданеллы: частная, какъ бы въ одиночку уйти, мнѣ нѣтъ дѣла до остальныхъ. Когда обѣ они путаются въ головѣ тяжело. Мнѣ какое дѣло выступить ли Италія, когда я, вотъ я лично, въ петлѣ? Сколько мукъ, я ни въ чемъ неповинный, ничего отсюда не извлекающій—Дарданеллы, какъ бы мнѣ пойти своей дорогой, помимо Дарданеллъ. А обиды, обманъ и насиліе со стороны такихъ же власть и богатство имѣющихъ,—пропадаетъ моя общая точка и я чувствую, не въ Италіи тутъ сила. Когда на моемъ несчастьѣ люди строятъ счастье, то врядъ ли тутъ есть правда общая, такъ какъ вѣдь я знаю, что и въ то время, когда я отдаю самое драгоценное—жизнь, продолжается насиліе со стороны такихъ же какъ и я единоплеменниковъ. Нѣтъ надо искать въ другомъ. Идти на частные компромиссы—кланяться, просить я не могу, остается одно смерти! И уже большинство умерли подъ вліяніемъ этого положенія, они не выдержали, не выявивъ себѣ путей, поплыли по теченію которое и поставило ихъ подъ пули, такого же человѣка, какъ и они. Но что я, что я? Разъ я ваялъ на плечо ярмо, чтобы довести до конца ношу испытанія—„блаженъ претерпѣвшій до конца—„я долженъ донести ее до конца. Долженъ испытать все! Нужно мириться съ необходимостью“.—Слова моего

товарища, который сидит думаетъ, мечтаетъ вслухъ „съ необходимостью“. Бодрись... что... ты... а... а... товарищъ?”

Товарищъ, знаете ли вы что такое товарищъ?—На войнѣ это все—жена, отецъ, мать, предъ товарищемъ ничто, когда отправляешься на смерть—цѣлуешься, вѣдаешь ему всѣ сокровенныя тайны, адреса, чтобы онъ повѣдалъ тамъ обязательно. Предъ смертью выравниваются лица. И вдругъ она, вдругъ она грозная, тяжелая смерть вопрошаетъ на что ты годенъ. Куда истратилъ прошедшіе годы. Имѣешь ли право умереть, или еще ничего не сдѣлалъ, нѣтъ?

Бр... рр!..

И я уже мирюсь, да пора смириться, пора сказать кончено. Дать отчетъ и умереть. Но умереть надо съ сознаниемъ что умираешь не даромъ. И вотъ я уже подошелъ къ этому вопросу смерти! О, какъ мнѣ тяжело. И я какъ не могу глубоко смотрѣть внутрь себя, а первый газетный листокъ способенъ перевернуть во мнѣ все верхъ дномъ!

30-V. Вечеръ... Но что я, цѣлыхъ четыре дня я могу ѣсть, пить, гулять, какъ я хочу, а не такъ какъ мнѣ прикажутъ и чувствовать четыре дня себя господиномъ, а тамъ дальше, я рабъ, грубое, жестокое сдѣлаетъ свое дѣло, но пока я еще поднимаю голову и кричу—да здравствуетъ!

31-V. Утро. Дайте мнѣ свободу, дайте возможность сойти на первой станціи и броситься вотъ, вотъ въ эти безъ конца широко—неоглядныя степи, зачѣмъ вы цѣпью приковали меня и тянете туда, куда я не хочу, зачѣмъ? Иль у васъ нѣтъ сердца. Ваши интересы рынка, мнѣ не нужны, я не нуждаюсь ни въ колоніяхъ, ни въ проливахъ-моряхъ. Къ чему мнѣ тонкія, изящныя ткани, которыя никогда не надѣвалъ, тѣ средства—деньги, которыхъ никогда не имѣлъ?

Въ этой грязнушкѣ, узенькой, небольшой клеткѣ

товарнаго вагона глядя на мелькавшаго вдаль киргиза—первобытнаго человѣка, неимѣющаго ни газеты, ни книги, плохо понимающаго по-русски я вдругъ почувствовалъ всю суету моихъ желаній спѣшить, ѣхать затѣмъ, чтобы воткнуть что-то стальное въ грудь такого же, какъ я, мнѣ вдругъ страшно до безумія захотѣлось помѣняться—ничего не зная, не понимая изъ современнаго жестоко-ужаснаго Балыкь коп ашай. Киргизъ улыбнулся бы и говорилъ, что хорошо—„якши, якши“.

— Война, какое ему дѣло до нея—развѣ онъ не хочетъ жизни, солнца, слушать возгласы-пѣсни жаворонковъ и чувствовать дыханіе весны окружающей природы, Господи, Господи, какъ хорошо и ненавистный шайтанъ городъ съ его изобрѣтеніями пропадаетъ предо мною.

3-VI. Прямо изъ вагона выѣзжали и съ мѣста въ карьеръ продолжается мучительное ученье. Случается въ резервѣ сутки, что совершенно не спавши и прямо на ученье. Часа три, или четыре, подъ палящимъ солнцемъ муштровки, послѣ ученія наступаетъ отдыхъ, часа два, послѣ котораго наступаетъ опять ученье и такъ весь день. А тамъ снова окопы. Въ окопахъ дежуришь всѣ 24 часа—сутки. Разница между рядовымъ и съ нашивкой здѣсь тоже огромна. Первый все выноситъ на плечахъ, послѣдній ничего не дѣлаетъ. Въ окопахъ все время перестрѣлка. На разстояніи версты отъ непріятеля. Иногда непріятель сыпетъ шрапнелью. Разрывается шрапнель впередъ и въ стороны. Горная, или тяжелая артиллерія та забираетъ вверхъ и оттуда летитъ стремглавъ внизъ отвѣсно. Она, горная, или тяжелая, ставится на ударъ, разрывается силою толчка, а легкая та въ воздухъ. Если неразорвется, то всѣ кричать „Урра затырилась матушка!“.

8-VI. Сегодня атака. Узнали мы потихоньку раньше

Объявляютъ въ атаку передъ самымъ моментомъ атаки. Темная, претемная ночь. Мы сидимъ въ окнахъ. Изрѣдка чуть-чуть вспыхиваютъ огоньки. Куримъ махорку.

Тихо... Вдругъ съ австрійской стороны поднимается ракета, она взвивается дугой и освѣщаетъ землю, за ней другая, освѣщаетъ по сосѣдству слѣдующій участокъ земли, третья и т. д. Австрійцы пользуются свѣтомъ и поднимаютъ ураганный огонь хотя никого не видятъ, но даютъ знать—„мы де не спимъ“. Открывается стрѣльба—орудійная, пулеметная и ружейная. Вспыхиваютъ зарева пожаровъ, зажигаемыя снарядами. Бѣгаютъ тучи прожекторовъ—странная замѣчательная картина, снова одна за другой вздымаются ракеты, пожаръ слѣдуетъ за пожаромъ. Небо красное, звѣзды меркнутъ, беретъ жуть въ отдѣльности не за страхъ—шкуръ, но за ненормально красивую картину. Мы не подаемъ виду ни однимъ выстрѣломъ. Лишь высылаемъ впередъ дозоры и секреты.

Но вдругъ команда—„вставай вылазь по тихоньку!“.— „Въ атаку“! На брата по сто патроновъ. Вылѣзли изъ окоповъ, развернутой цѣпью полземъ на разстояніи трехъ, четырехъ шаговъ другъ отъ друга, въ шеренги, а цѣпь шаговъ на тридцать, сорокъ. Ползешь, вѣрнѣе все время извиваешься, къ землѣ прикладываешься. Иной разъ проползешь съ полверсты благополучно, а тамъ сразу со всѣхъ сторонъ.—Бу... ух... дз... зз...! Конецъ. Ничто не чувствуешь, кого бить и сколько убитыхъ вокругъ. Ударъ перваго штыкомъ въ атаку пришелся на вставшаго предо мною на встрѣчу австрійца. Старый, бородатый, блѣдный, штыкъ у него даже не былъ навинченъ, и я съ силой швырнулъ въ него остріе и штыкъ моего ружья прошелъ вмѣстѣ съ хомутикомъ весь черезъ его животъ. Онъ безъ сознанія вамахиваетъ руками, глаза расширены, въ нихъ я читаю

укоръ и вопросъ, въ то время, какъ его руки опускаются и уже болтается и виснеть у меня на штыкѣ его тяжелѣющее тѣло; видя его взглядъ я не могу выдернуть штыкъ. Зову на помощь, но всѣ отъ меня давно убѣгли. Вѣжливый ротный. Я кричу. — Ваше благородіе помогите! — Что съ тобой, кричить онъ въ свою очередь? — Не могу знать опять кричу я. И мы вдвоемъ только съ силой вытаскиваемъ штыкъ.

Вокругъ тѣла, сжатая въ кулаки руки, крикъ, стонъ проклятья! и молебны! безпомощно виснувшія въ воздухѣ!

Черезъ полчаса мы уже отступали не разбирая дороги. Только къ утру удалось остановиться окопаться. И принялись отстрѣливаться. Стрѣляемъ залпами, пачками, бѣглымъ огнемъ!

Но австрійцы лѣзутъ колодами, наступаютъ пьяные. Несутъ бомбы въ рукахъ и что-то кричать, кричать!

Ощущеніе жалости потеряннаго. Столько крови, трудовъ и опять все бросать. И кажется все туманнымъ, страннымъ случайно приснившимся кошмарнымъ сномъ...

9-VI. Отступать. День и ночь отступать. Думали отдохнуть, а анъ окопались въ восемь утра, а онъ уже въ двѣнадцать, тутъ какъ тутъ. Опять отступать, опять день и ночь не спавши, идешь стоя спишь, машинально идешь, на ямкѣ споткнешься поднимешь глаза, видишь впереди спину цвѣта хаки и опять спать... Идешь... Пришли въ село, спали съ часъ. Приказъ отступай. Шли верстъ двадцать. Приказъ, возвращайся обратно. Пришли обратно въ село и легли, какъ мертвые.

Спали полтора сутокъ безъ просыпа и опять отступать. Мы шли, а онъ за нами. Мы шли все прямо, прямо, рота приходила, иногда занимали окопы уже ранѣе выкопанные.

Были изъ за окоповъ драки. Пришла рота вслѣдъ за нами. Окопы нами заняты и кричатъ уходите уже отдохнули пора намъ обсушиться. И мы вышли и лежали прямо подъ дождемъ.

Фельфебель приказалъ было рыть себѣ блиндажъ, а потомъ смиловался, отмѣнилъ.

10-VI. Въ развѣдку. Кто охотникъ? Идемъ человекъ тридцать, затаили духъ. Подкрались. Видимъ онъ лежитъ. Отдѣленный бросилъ ручную бомбу, а мы стрѣлять и урра кричимъ.

Австрійцы побѣгли. А мы остановились, оглянулись, посмотримъ насъ всего одиннадцать осталось, остальные разбѣжались послѣ выстрѣловъ отъ страха... Рр... ррр... рр!.. Летятъ птицы, только не тѣ, что несли съ собой привѣтъ человеку поздравляя его съ весной, нѣтъ а инныя хищныя, гордыя, что твердятъ, о какой то новой мощи человека. И сколько ихъ—одна за другой, цѣлыя десятки... Бу...у...бу...у... бумъ! Мало, еще, еще кричитъ рыжій, но уже горятъ—деревни, мѣстечки и цѣлые города—словно факелы—приносятъ кому то себя въ закланіе, огромное жертвоприношеніе!

12-VI. Облѣплай дерево. Держись около стволовъ, не различить! Ишь ты спустился проклятый, сложить аппаратъ, а какъ все вывѣдаетъ такъ и дралова, чертова машина! Тамъ въ мѣстечкѣ еще продолжали пьянствовать казаки. Они ухватили за горло еврея, показывая гдѣ водка. Перепуганный еврей рассказалъ, гдѣ хранилась пейзаховка. Разговаривать съ ними не приходится. Въ опустѣвшей деревнѣ казаки пока хозяева, хоть полчаса, да начальники, да не кой какіе, а хозяева—жизни и смерти всѣхъ ея обитателей.

19-VI. Понять всѣхъ кого захватятъ на улицахъ безъ

различія пола и національности,—отъ пятнадцати до пятидесяти пяти лѣтъ,—въ окопы. А чтобы не убѣгли, такъ ночью гонять въ арестный, гдѣ спать и дѣти, и женщины, и мужчины въ повалку. Утромъ выстраиваютъ въ рядъ и гонять, рыть траншеи.

— Покажи сколько время? Еврей вынимаетъ часы. Казакъ выхватываетъ часы изъ рукъ еврея.—Прощай, это мнѣ на память. Да, эй, ты не хнычь, а то пулю свинцовую въ подарокъ получишь.

5-VII. Говорятъ моментъ, когда ранять, запоминается больше всего.—Огонь разошелся во всѣ концы, перебрасываясь съ мѣста на мѣсто, крутилъ вихремъ и вновь бросался. Духота, жара, мычаніе животныхъ, крикъ—воплъ людей, трескъ горѣвшихъ зданій, рѣзкій свистящій звукъ шрапнели, пѣніе нуль все слилось и я стою ничтожный, ровно песчинка въ вихрь, не понимаю, гдѣ начало, гдѣ конецъ всему происходящему.

Все въ моемъ мозгу запечатлѣвается, какъ на фотографической пластинкѣ. Я жалѣю, готовъ плакать, видя какъ падаютъ тихія жилища обитателей—трещать деревья и на минуту останавливаюсь на томъ—сколько большихъ зданій пропало, гдѣ такъ было хорошо и уютно, но мнѣ не до того, люди хватаютъ другъ друга за горло и жестко, безцѣльно обрушиваются на все то, что доставлено огромной цѣной многихъ поколѣній. Я служитель иного Бога, принужденный взять ружье и идти биться вопреки протеста всего моего существа, потому что иная остальная масса, если я съ ней не согласенъ не дастъ мнѣ житья—задушить сама. Я невольно думаю вмѣстѣ съ тѣмъ деревенскимъ парнемъ.

Какому Богу молятся тѣ страны, гдѣ не бываетъ войны и чье это богатство растрачиваютъ люди, какъ не

свое собственное ихъ кровнымъ потомъ прибрѣтенное? Развѣ у нихъ всего такъ много, что они въ состояніи побросать, растоптать, уничтожить излишки своего собственного произведенія, произведенія рукъ человѣческихъ. Развѣ нѣтъ нищихъ, голодныхъ калѣкъ, бездомныхъ. И развѣ человѣкъ уже не царь природы что не можетъ понять, что все то, что создано руками человѣка есть цѣнность, прибрѣтеніе всего остального человѣчества? Кто околдовалъ людей, выбилъ изъ головы простой ясный смыслъ и заставилъ нести въ жертву себѣ, {помимо того, что онъ прибрѣлъ огромнымъ упорнымъ трудомъ, нѣтъ еще и себя на алтарь жертвоприношенія.

Господи, Господи какъ скорбитъ душа моя, и какъ тяжело мнѣ и какъ великъ лабиринтъ, изъ котораго я не могу выпутаться. А прапнели рвутся и рвутся, пули выпускаемыя, милліонами насвистываютъ свою арію и вдругъ...

1-VIII. Зачѣмъ онъ поднималъ меня. Зачѣмъ эта масса тѣлъ предо мною. Груда всякихъ—старыхъ, молодыхъ, уже развалившихся, [куда такую машину гонять. Бр... рр... скоро ли конецъ этой бойнѣ. Позвольте, вы знаете откуда все это. Зачѣмъ вы это говорите, а докторъ, онъ прямо шлетъ—говорить мнѣ какое дѣло до другихъ болѣзней, слѣпой, глухой не нужны, остальные всѣ нужны...

21-VIII. И вотъ я въ лазаретѣ. Пуля вынута изъ груди. Свершилось то, что и должно свершиться, куда дальше толкнетъ меня судьба не знаю.

Можетъ быть выкинетъ за бортъ, какъ ненужную тряпку, можетъ быть еще разъ поставить на ноги, но...

Но пока заботъ хлопотъ у [кого то полно, а у меня ихъ нѣтъ, нѣтъ совсѣмъ, нѣтъ.

228. Утромъ я всталъ, онъ мой врагъ лежалъ рядомъ на койкѣ и предлагалъ мнѣ корку хлѣба—его черные

глаза свѣтились ласково. Кружка чаю, которую я налилъ была безъ всего и онъ жалѣлъ меня..

А этотъ татаринъ, у котораго сварядомъ отбилъ верхнюю кость черепа и у него отнялась правая рука и нога, пытающійся пѣть, но вмѣсто пѣсни вылетали дикіе, жестокіе звуки. Онъ бралъ выше, выше и казалось бессмысленный звукъ, словно происходилъ не отъ человѣка, но отъ раненаго животнаго. На груди у него болталась ладонка. И понялъ я, что часть общества выпустила другую часть общества, выкинула въ такія формы, условія жизни, отъ которыхъ сама закрыла глаза, уши, что жизнь была такъ скверна, гадка, понялъ, что закрываются глаза, уши когда убиваютъ животнаго, но всетаки животное съѣдаютъ. Да, да, но на животнаго, на звѣря, такихъ инструментовъ не дѣлали, какъ на человѣка, его убивали сразу, а на человѣка такого маленькаго. беззащитнаго было все и пятидесяти пудовые ядра и чемоданы, и воздушные полеты.

— „Романы„ взяли чернила—„Романы„, письма писать, вчера тащилъ, подтверждаетъ второй татаринъ, а самъ смотрится въ зеркало. Вчера была комиссія, „Давлета“ отпустили на полгода на поправку домой.—„Больно плохо и день и ночь не спавши, ходи, ходи. „Романы“ это австрійцы, они, тѣ, съ которыми я долженъ можетъ быть идти еще разъ воевать, а я самъ кто. А Давлетъ уже забылъ все невзгоды и горе похода, и страхъ чемодановъ, домой больше ничего, широкія необъятныя поля и его маленькая избушка. Я вспомнилъ какъ я ѣхалъ по этимъ деревушкамъ, какъ спрашивали меня объ одномъ, скоро что-ли миръ... Какъ печально глядѣли на меня глаза женъ, матерей. Скоро что-ли? Какъ мой-то тамъ безъ ноги, или безъ руки, или совсѣмъ и что это такое и когда будетъ

конецъ этой бойни. И зачѣмъ люди допустили такъ и сверху, и съ низу?

Вдаль уходили поля.

И я понялъ одно, что не было человѣка, что не было не хватало у него одного, чтобы отдѣлило его отъ звѣря. Онъ человѣкъ былъ звѣрь, теперь для меня ясно. Мальчуганъ добровольецъ раненый лежалъ рядомъ со мной. Онъ спорилъ изъ за ложки, хотѣлъ доложить доктору, смѣнили его ложку и было потѣшно глядѣть на него. И не разъ, и не два еще люди продѣлаютъ это. Такъ сладка власть, такъ пріятна мечта владѣть всѣмъ міромъ, сто лѣтъ назадъ объявшая Наполеона—теперь Икса, а черезъ сто лѣтъ еще кого нибудь. И такъ нѣтъ настоящего твердаго увѣреннаго голоса человѣка, который бы могъ сказать—„довольно, руки прочь, я уже самъ „человѣкъ“. Вижу, какъ прячутся за ширмой практичные люди—отдѣлываясь, такъ или иначе, какъ выдвигаютъ вмѣсто себя безудержныхъ всегда терпящихъ невзгоды и горе, но рвущихся ввысь мечтателей—неумѣющихъ вратъ людей! Вижу, какъ торговцы, хитро пожимаютъ руки—и вся остальная клоака, для которыхъ мутная вода, всегда была и есть необходимая стихія.—„Дуракъ всегда найдетъ себѣ пулю, но не кусокъ хлѣба!“ Вижу, какъ съ ними необходима борьба во всякое время... Они всегда толкаютъ другихъ, ради собственной выгоды и понимаютъ жизнь человѣка, исключительно, какъ матеріаль съ точки зрѣнія—какая польза, (какъ отъ матеріала) мнѣ отъ него? Я ставлю точку. Австріецъ подмелъ комнату, онъ раненъ, выздоравливаетъ послѣ операци.

Онъ хватается за жизнь, какъ можетъ, все таки, онъ здѣсь сътъ, а тамъ, какъ выпустятъ, Богъ ее знаетъ—и когда приносятъ газету, читаютъ слова о мирѣ, его лицо сіяетъ-миръ, а значитъ и свобода.

28-VIII. Когда то я думалъ о томъ, что прежде чѣмъ я буду убивать, мнѣ надо дойти до великаго ожесточеннаго состоянія, мнѣ необходимо знать гдѣ начало этого ожесточенія тамъ ли въ моментъ грознаго взгляда смерти, или оно еще задолго до того входило въ меня. И что-же. Пуля по глупому нашла меня.

3-IX. Хорошо, какъ бы не было ни кинематографовъ, ни грамофоновъ, ни аэроплановъ, ни пулеметовъ, ни потребовалось бы насъ, не ухитрились бы люди столько людей убивать въ разъ. Во сколько разъ, лучше бы было, если бы я шель съ простой дубинкой...

4-IX. Все во мнѣ—неужели же я еще не уловилъ, что измѣненіе жизни зависитъ не отъ удачи того, или иного рода оружія, а отъ меня самого и такихъ же какъ и я людей—возьмусь ли я за собственное преобразование—что убійство, есть убійство и за переустройство мышленія принадлежащихъ со мной къ одному классу, возмущаются ли и они такіе же какъ я, или будутъ ждать съ опущенными руками—ждать, чтобы пришелъ кто-то другой въ сѣромъ дипломатѣ. Я знаю онъ никогда не придетъ, новый бичъ еще ужаснѣе, — слѣдующая жесткая война-бойня. Писаря, письмоводители, фельдшера, санитары и люди сѣрые съ лимонными почти черными пересмажкими губами упорно-смотрящіе, съ горящими глазами, но чуть, чуть прикасающіеся однимъ краемъ къ другой жизни и противъ нихъ безногіе, безрукіе, что это такое? Гдѣ тотъ возгласъ—все люди братья. Свобода труда, личности, протестъ противъ ига и рабства насилія—гордый вызовъ собственности и утвержденіе правъ человѣка, какъ сына свѣта—все это человѣкъ вдругъ толчкомъ ноги, спихнулъ куда то отъ себя и вмѣсто этого взялъ на прокатъ, какія то чуждыя ему слова, какъ заклинатель стоя на одной ножкѣ, внушаетъ себѣ какія то чуждыя

непонятныя ему заклинанія—десять тысячъ, въ день самыхъ молодыхъ, самыхъ красивыхъ, самыхъ сильныхъ въ жертву, десять тысячъ, чтобы смиловался и послалъ свою благодать. И онъ внушивши эту себѣ мысль, не могъ уже оторваться, а газетные листки, спеціалисты жрецы и всѣ прочіе дѣла мастера, только подогрѣвали, утверждали, воспитывали эту мысль и я такой же человѣкъ—способный размышлять увлекся, подумалъ, что только и можно взять выпросить у кого то эти милости—приносе-ніемъ въ жертву себѣ подобныхъ и чѣмъ больше ожидается милость тѣмъ... Бр... рр!..

Кто это тотъ, который опрокинуть все во мнѣ?

„Б а р а ж ъ“.

(У Курси на Французскомъ фронтѣ впечатлѣнія участника боя).

...Иделись — кто и какъ попало. „Гы!.. гы!.. эй!.. ей!.. алле!.. у!.. у!..“

Погоняли лошадей, вязали по колѣна въ грязи, ругались, стояли по полчаса на одномъ мѣстѣ...

Двигались автомобили, биткомъ набитые раневыми; повозки, артиллерійскіе ящики.

Пролетали разные слухи: говорили объ успѣхахъ и о потеряхъ, о взятыхъ плѣнныхъ.

Разсказывали, какъ одинъ санитаръ будто бы пригналъ 15 человекъ плѣнныхъ: рады были, что попали въ плѣнъ. Передавали, какъ гдѣ-то однимъ снарядомъ было убито тридцать человекъ...

Артиллеристы, безъ рубашекъ, работали, открывъ рты, обливаясь потомъ. Этотъ чистилъ дуло, другой подавалъ снарядъ, третій вкладывалъ быстро, механически, какъ на фабрикѣ...

Саперы спѣшили съ отдѣлкой паровоза — подвозить снаряды, которые навалены горами въ крытыхъ мѣстахъ.

Аэропланы, какъ птицы, парили десятками, высматривая — что дѣлается внизу.

...Пѣхотинцы, притаясь, ожидали, когда будетъ пора идти въ атаку. Ночью они ваяли двѣ линіи, надо взять и третью. Она на гребнѣ горы, передъ нею падаетъ огневая завѣса

— Та!.. та!.. та!.. — быстро, захлебываясь, тараторили, как нетерпѣливые мальчуганы, пулеметы. „Ба!.. а!.. а!.. Б-бу у-у!“ — ухали, раскрывъ прожорливыя пасти, остальные чудовища. И!.. и!.. ихъ!“ — взвизгивали летящія мины. Ихъ видно простымъ глазомъ; онѣ летятъ, махая крыльями и производятъ особенно гнетущее впечатлѣніе.

...Здѣсь командуетъ ротой офицеръ грязный, замасленный; въ другомъ мѣстѣ офицеръ командуетъ отдѣленіемъ, а ротой управляетъ унтеръ-офицеръ; въ третьемъ — простой рядовой, хладнокровный, вѣвѣщающій каждую деталь. Не то важно — кто командуетъ, а важно — какъ...

Когда началась атака, я столкнулся съ врагомъ, ухватилъ его за горло, вижу — офицеръ: надо тащить въ плѣнъ... Велѣлъ ему поднять руки вверхъ, а онъ съ меня глазъ не спускаетъ и все норовитъ опустить руки... Бѣлобрысый такой... Оглянулся я, а онъ — цапъ, руку въ карманъ и вытаскиваетъ револьверъ. Вышибъ я револьверъ, а его прикомолъ штыкомъ...

Намъ надо было взять рошу на горѣ, до нея саженой двѣсти, защищалась она пулеметами.

...Падали, ползали, раненые что-то кричали, чего-то просили. „Ма а ма, родная ма-ма!“ — Кто-то гналъ плѣннаго, вдогонку кричали: — приколи его, некогда съ нимъ возиться! — Въ воздухъ рвались, метались, взвизгивали словно, справляя шабашъ, неземныя силы. „А!.. а!.. а!..“

Орудія многихъ батарей, выпуская множество снарядовъ, создавали вихри. Трудно было держаться на землѣ, такъ и подхватывало, поднимало, ровно смерчемъ, на воздухъ.

Природа не выдерживала: сыпала въ отвѣтъ громомъ, молніей, дождемъ и даже снѣгомъ. Происходило то, что у французовъ называется словомъ „баражъ“

Гдѣ-то далеко-далеко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень близко

за перегородкой изъ огневой завѣсы, противникъ лѣзъ, лѣзъ безразсудно. Онъ зналъ свое положеніе: когда его отправляли, то сзади устанавливали пулеметы и били изъ нихъ по бѣгущимъ назадъ. А завѣса была непрерывна метръ за метромъ падали рядкомъ снаряды, огромные, многопудовые чугунныя чушки. Взлетали горы земли, обдавая грязью находящихся въ окопахъ, душили газомъ, рвали на части, въ мелкіе куски встрѣчныя тѣла. Долина вздрагивала, стонала, равно живая,

Говорить было нельзя, нельзя было услышать другъ друга. Иной бѣжалъ прямо въ сторону врага, безъ ружья, безъ патронъ, безумный, потерявшій власть надъ собой... Иной рылъ землю руками... Иной медленно плелся: обѣ руки оторваны, лицо пробито пулями... У иного одинъ глазъ висѣлъ, выпавъ изъ орбиты... За ними плелись еще и еще но кажется, у всѣхъ было одно и то же выраженіе лица— мучительный вопросъ...

Варывы, горы земли, грязи хоронили подъ собою.

Странное слово „баражъ“.

Гдѣ то взвизгивало, что то стучало, грохотало, жу-жжало, что-то жаловалось.

И все это, взвоятое вмѣстѣ, вновь и вновь рождалось и вновь, вновь, тонуло въ огромныхъ ухающихъ звучахъ, сотрясавшихъ воздухъ. Невольно ротъ оставался открытымъ, руки опускались, тѣло странно свеживалось.

Раскаты грома были ничто передъ этими ударами, словно маленькая хлопушка передъ большимъ колоколомъ.

Тревога передавалась еще не потерявшимъ самообладаніе людямъ и переходила на животныхъ. Лошади вырывались, ржали, бились. Но вмѣсто нихъ выступали черныя большія танги, онѣ шмыгали, словно что-то искали.

Трое сутокъ продолжался этотъ концертъ. Люди не

выдерживали, сходили съ ума. И только сознаніе, что вслѣдъ за такими усиліями придетъ счастье, необходимое-далекой милой родиной, поддерживало бодрость, не давало угасать нашей мысли. Но досадно и горько было, когда, занявъ окопы врага и закричавъ по русски:—Куда прешь? Руки вверхъ!—въ отвѣтъ мы слышали рѣчь: Мы не пѣмцы!

Я привскочилъ:

—Кто же вы такіе?

—Поляки. Намъ взяли изъ подъ Гродно, ну, мы и пошли.

Передъ нами были чехи, поляки, галичане, словаки болгары; они волной поплыли передъ нами.

—Эй, вы, таскай раненыхъ!

Плѣнные взвалили на носилки синегальца, который, ворочая большими бѣлыми зрачками, пытался что-то имъ объяснить на своемъ африканскомъ нарѣчьи. Синегальцы, алжирцы, негры, галичане, поляки шли другъ противъ друга.. —

Километрахъ въ трехъ отъ насъ продолжали гудѣть малыя батареи. У самыхъ траншей били бомбометы и минометы—прожорливыя акулы. Въ десяти верстахъ гудѣли тяжелыя орудія; въ 25—морскія.

Вся, посылаемая ими, масса стали и чугуна падала въ опредѣленномъ мѣстѣ. Казались падающіе снаряды—пороженіемъ не рукъ человѣческихъ, а живыми существами, шмыгающими по воздуху. Казалось, небо разверзлось и слалъ огненный дождь.

Въ дѣйствительности же, происходило то, что создалъ самъ человѣкъ и что онъ назвалъ новымъ словомъ: „Баражъ“.

Въ траншеяхъ.

(Впечатлѣнія съ французскаго фронта).

Я пишу поправляя огарокъ свѣчи, который постоянно грозитъ потухнуть, да и карандашъ, химическій осколокъ, того и смотри кончится. Еле-еле водить рука по бумагѣ, а выстрѣлы пушекъ бухаютъ какъ изъ огромнаго бездоннаго жерла, и трясуть-трясуть стѣны убѣжища, Осень—глухая темная осень, когда человѣкъ начинаетъ сомнѣваться во всемъ, когда неотвязчивыя, тяжелыя мысли преслѣдуютъ. Стоить ли выполнять то, за что взялся, развѣ не богатство, и не счастье укрыться отъ пронизывающаго вѣтра и дождя, согрѣться у дымящагося костра, который мы здѣсь не разводимъ никогда, словно разучились—забыли, какъ разводить. Про другое и не толкую. Дерзкій, властный взглядъ, мечты о человѣчествѣ—все летитъ прочь, странной кажется мысль о когда то бывшихъ мечтахъ... Свистящiе, укающiе надъ нашимъ убѣжищемъ снаряды отъ которыхъ вокругъ все ходитъ ходуномъ, ровно то летятъ иныя неземныя существа, во всякомъ случаѣ, существа созданныя ни руками и не по мысли человѣка. Мы выльзаемъ въ маскахъ, имѣющихъ вмѣсто глазъ слюдяныя очки, вмѣсто подбородка мягкую отвислую матерiю. Глядя на наши мелькающiя фигуры, въ блѣдно-зеленомъ ползущемъ по землѣ дымѣ—газѣ, возникаетъ вопросъ: что мы представляемъ

изъ себя? какихъ вѣковъ, какой планеты существа. Мы трясущіеся, глубоко подъ землей, отъ пронизывающей сырости, безъ свѣта. Мы, боящіеся, согрѣться отъ естественнаго огня. Мы, боящіеся безъ приспособленія дышать воздухомъ, идущимъ надъ землей. О, какая злая иронія судьбы..! Краски инныя, бодрѣя, сильныя, гдѣ мнѣ ихъ взять...— Камарадъ, камарадъ; плю вить! (Товарищъ, товарищъ скорѣй)! Люди разныхъ языковъ—религій, инстинктивно жмутся другъ къ другу. Развѣ не двадцать мѣсятъ тому назадъ изуродовало лицо человѣка—моего товарища... Имя его?..—Имя!.. Есть ля тутъ имена и къ чему они... На одномъ изъ братскихъ кладбищъ я вчера прочиталъ надпись на крестѣ:—Рабовъ Божіихъ—ефрейторовъ:—Ивана, Петра, рядовыхъ—Николая, Михаила, Тишку, французскаго камарада Гевриха и прочихъ, о которыхъ ты, Господи, веши. Конечно, когда отъ всего тѣла остается одна рука, или нога, то не нужно имени, и тяжело смотрѣть, вспоминать гордый взглядъ говорящій—„все могу“—онъ стоитъ сейчасъ надо мной горькой ироніей—надо мной человѣкомъ, не могущимъ располагать завтрашнимъ днемъ, десятки лѣтъ впередъ. Моя свѣчка догораетъ, писать я дальше уже не могу, хотя... О, какъ хотѣлось мнѣ еще набросать пять, десять строкъ, но вотъ-вотъ она сейчасъ оборвется, потухнетъ—впереди передо мной долгая, тяжелая подземная ночь. Можетъ быть, и не ночь, кто разберетъ, когда сверху надъ землей, идетъ дождь, шумитъ вѣтеръ, а кто-то чужой поетъ тяжелую пѣснь, такую, что содрагается все отъ сплошнаго грохота... Чѣмъ скрасить идущее... Думать надъ тѣмъ, кто онъ, тотъ, что поетъ стонетъ, свиститъ, визжитъ въ воздухъ и какой свистомъ ведется разговоръ. Случайный секундный промежутокъ—затишье. Я слышу новый, слабый, чуть-чуть слышный пискъ, визгъ, что это? Крысы!..

Крысы—вѣрные спутницы человѣка подъ землей. Ихъ визгъ, скрипъ есть пѣснь, единственная пѣснь, но и то изъ другого животнаго царства. Глаза ихъ красны, а сами они бѣлыя, большія, съ длинными острыми зубами. Впрочемъ, еще есть пѣснь—вверху, надземная пѣснь, когда я случайно, сегодня утромъ, минутно задержался надъ землей, легъ на спину, то надо мной сдѣлалъ кругъ воронъ, онъ задержалъ полетъ и каркнулъ, черезъ минуту ихъ стало три, еще черезъ минуту—десять и ниже-ниже они стали дѣлать круги, выставивъ блестящіе клювы... Опускались... Я вскрикнулъ, замахалъ руками, а въ отвѣтъ сухо-барабанно затрепали пулеметы, загудѣли—заухали пушки..

Тысячи глазъ смотреть, стерегутъ, чувствуютъ каждый шорохъ, каждое движеніе, вмѣстѣ со мной, но не посмотрѣли ли мы самого главнаго?..

Въ чужія страны.

(Изъ впечатлѣній съ Франц. фронта).

5/VIII. Идемъ чуть-чуть не мимо полярного круга, Воды ледовитаго океана предъ глазами уже четвертые сутки. Ни одного корабля не попадалось на встрѣчу... Слишкомъ пустыненъ океанъ. Но скоро поворотъ на югъ. Сегодня ни одного часа тьмы, всѣ 24 часа свѣта. Вчера я еще писалъ въ 11 часовъ ночи. Мнѣ казалось, что все день, да день—глянулъ на часы, ахъ уже 11 часовъ ночи. Странная картина впереди—солнце еле-еле пробивалось сквозь тучи, освѣщало края горизонта, казалось то свѣтиль особый мягкій фосфорическій свѣтъ... Слевая черная, пречерная полоса. Справа безразличная полоса, ровно бѣлесый туманъ. Все небо заволоченное отрывочными кучками облаковъ было иное до того никогда мною невиданное. Изрѣдка полоса прорывающагося ночного солнца бурлила, отливала разноцвѣтными бриллиантовыми—изумрудными искрами. Пройсходило на глазахъ то, что на человѣческомъ языкѣ называется борьба свѣта съ тьмою. Трудно было подыскать еще такую картину. Дельфины свистали, кувыркались вокругъ корабля въ водѣ. „Нордъ“ велъ себя тихо „тре бьенъ“ твердятъ французы. Пропала предъ нами завѣса-стѣны изъ моросившаго особо-мелкаго дождя. На что былъ сумраченъ сосѣдь Капитоновъ и тотъ развеселился. Онъ два дня не

ѣлъ, его все рвало, а теперь вотъ, отдохъ... Это все съ черного хлѣба твердить онъ... „Но... но мусье“ качаетъ головой матросъ французъ это не отъ того... Гуляй по палубамъ, играй на гармоникахъ. И какъ мало надо человѣку, чтобы забыть горе...

7/VIII. Странно такъ свѣтло... Я пишу на палубѣ, безъ огня... Двѣнадцать часовъ ночи, а солнце уже свѣтитъ... Ну, иногда лѣтней порой вы выходили такъ отъ пріятеля — забыли заснуть до 3—4 утра и вамъ вдругъ вы сами, окружающія лица, кажутся въ иномъ свѣтѣ. Свѣтъ да другой своеобразный и всѣ предметы по иному. Кончикъ носа, все лицо сосѣда заостряется, изъ краснаго переходитъ въ желтовато-сѣрый, далѣе въ блѣдный, мягкій...

Идетъ разсвѣтъ...

9/VIII. Крикъ—шумъ на палубѣ заставилъ меня выскочить изъ трюма. Это было развлеченіе. У одной стороны палубы плотной массой столпились солдаты и смотрѣли на океанъ. Вдалекѣ поворачиваясь приподнималось почти надъ водой морское животное. Кожа котораго была гладкая, хвостъ большой, сильный. Издалека онъ казался сажени въ двѣ длины. Повременамъ отъ головы животного вздымался столбъ воды, какъ паръ мелкими капельками...Э...э ээ...смотри-кась...вотъ бы на его спинѣ прокатиться.—Чертъ, что ли тамъ плаваетъ? Чертъ, только называется китомъ.— Скажи-ка братъ ну, и вещь, ишь-ты спина-то какая широ-ченвая.—Э, э, э, вонъ вонъ онъ. видишь, видишь, какъ ныряетъ и волна ему не почемъ. Шумъ, гамъ, крикъ тѣснота неумолкая. Со стороны глядя было странно, что столькихъ людей занимало такое явленіе, какъ дѣти.—Ха ...ха, вотъ онъ какой. Вотъ въ его пасти пророкъ Іона, какъ въ лодкѣ три дня плавалъ. Не шутка братъ. Ежели будемъ тонуть—Богъ дастъ, онъ подвернется я въ немъ и схоронюсь.

—И схоронишься,—а чѣмъ дышать будешь?—Э, братъ шутъ съ ними и со всѣми-чудесами; теперь бы землю увидать, а то что это все вода, да вода безъ конца. 10/VIII Говорять мы выходимъ изъ Ледовитаго океана предъ нами Атлантическій. Но пока еще, если и правда то измѣненій не видно также идетъ мелкій дождь, также бьются волны. Ничего новаго, поэтому ученье идетъ еще упорнѣе. На-пра-во... На-лѣ-во... Все неселѣе, за ученьемъ не видно, какъ проходить время. А время безъ дѣла при такихъ условіяхъ, текло бы болѣе чѣмъ убійственно. Отданіе чести, выправка, занимали два часа, гимнастика полтора, словесность общая одинъ часъ, спеціальность три съ половиною. Остальное(время—чай, обѣдъ, ужинъ несееніе дневальства, дежурства и т. д. По обыкновенію кое кто ропталъ, но въ цѣломъ были довольны. И съ ранняго утра по полубѣ неслоь лѣ-во, право... Доклады начальнику.

—Какой роты молодецъ?—5 роты, полка, бригады.—кто командиръ полка?—его высокоблагодаріе полковникъ.—Молодецъ!—радъ стараться...

11/VIII. Настроеніе мѣнялось. Вѣтерокъ крѣпчалъ. Всѣ надѣли пояса, опасное мѣсто. Но у всѣхъ солдатъ не имѣвшихъ дѣла съ моремъ не было никакого понятія о происходящемъ. Всѣмъ казалось опасность далека, но никто не допускалъ мысли, что...

Солдатъ было двѣ тысячи, лодокъ восемь, да пояса, вотъ и все, но кто-то не дремалъ, зорко слѣдилъ, чтобы насъ не постигла участь нещастья. То тамъ, то здѣсь вдругъ замаятитъ шпиль подозрительно понюхаетъ и исчезнетъ.—Что ты думаешь-развѣ мы утонемъ, нѣтъ не таковскія дѣла. Вода изсиня черная, не приметъ, тяжелая гу-стая. И мы то ни сразу потонемъ и...жисть...всего бойся. Чай еще не пили, а восемь часовъ такъ не пили, не

жрамши, отъ этой жизни хоть сейчасъ въ море.— Оно не этой жизни жалко, жалко той, что осталось позади и будетъ впереди. А какъ бы эта, такъ тутъ и думать не сталъ. Море синее—синее, гребни волнъ вздымались бѣлой, пѣной, бились друга о друга. Аршинъ ширины, два аршина длины, на двухъ человѣкъ да еще въ трюмѣ, на мертвого дается больше-что ты св...мало тебѣ еще, да мало, хлѣбъ черный, заплѣсневелый, негра варенаго, (бобы черные) духу не выкошу, я его ѣсть не могу, купить табаку можно потихоньку-платить въ три дорого. Деньги русскія рубль идетъ не почему, такъ прямо въ горсть возьмешь и показываешь „сколько“? сколько онъ хочетъ столько и беретъ. Иначе онъ знать не хочетъ. Развѣ такъ можно.—Э, на что тебѣ деньги, когда того и смотри будешь тамъ, гдѣ ничего не нужно. Возьми хоть все! Молодой парень протянулъ руку полную денегъ-возьми. На что мнѣ. И было его безусое лицо полно беззаботности, вѣрнѣе безразличія. Молодежь усердно изучала французскій языкъ; имъ казалось въ одну минуту они могутъ усвоить языкъ, они и не предполагали, что это давалось годами и то все таки человѣкъ оставался иностранцемъ. Писать, читать было необходимо, слишкомъ было досадно, что негръ, обыкновенный негръ, имѣлъ право покупать все то, что онъ хотѣлъ, но русскій немогъ, онъ какъ ребенокъ былъ связанъ—и то нельзя и другое нельзя. Связанъ и незнаніемъ языка и регламентомъ особ. покупки вещей, для него нѣкоторыхъ запрещенныхъ... И когда вдругъ глянули на жизнь иностранцевъ то на душѣ стало скверно.

12/VIII. Я беру книгу неимѣющую заботы о текущемъ моментѣ и читаю-такъ знакомыхъ мнѣ любимыхъ писателей... Но не читается. Море синее, бурное, правильнѣе цвѣта камня амагита смотреть на меня и паноминаетъ о жизни, что прошла позади, такъ безъ словъ, привѣта и отвѣта.

Особенно жаль и то, что начинанія, труды предпринятые, какъ то расплывались, какъ дымъ, ровно утекли съ волной и на плечахъ много лѣтъ. Я вспомнилъ товарищей идущихъ рука объ руку... невернута ничего изъ прошлаго, жадно оно и не отдаетъ ничего назадъ. Не возстановить, не создать вновь. Но такъ ли, такъ ли?

Вся команда сидить на палубѣ и смотреть на вдаль безъ конца уходящее пространство, каждый вспоминаетъ свое, а я наблюдаю, какъ грубые лица смягчаются, преобразуются—дѣлаются мечтательными, своеобразно-задумчивыми, кто, о чемъ? И почему то ужасная грубая ругань-брань, насилие, что обуяла насъ всѣхъ въ темнотѣ въ трюмѣ, ровно отъ вліянія солнца, пропала навсегда. Вонъ, вонъ въ лощинѣ еще снѣгъ—смотрите? На самомъ дѣлѣ вдалекѣ вдоль волны видѣлась бѣлая тѣнь гребня волны-снѣга, она блистала на солнцѣ и говорила о тяжелыхъ зимнихъ дняхъ, которыхъ здѣсь не менѣе девяти мѣсяцевъ. Читали, говорили, пѣли. Не привыкли, не терпѣли солдаты бездѣлья, но тутъ бездѣлье было пріятно. И можетъ быть поэтому не было той грызни—за обѣдомъ.

По обыкновенію всѣ до того хотѣли ѣсть, что когда отправлялись за супомъ, то каждая малѣйшая ошибка принималась за огромную, припоминались всѣ старые счеты, каждый старался получить на двѣ минуты впередъ обѣдъ... Тутъ же все было сглажено—люди, словно помирились, забыли обо всемъ...

14-VIII. Горизонтъ закрывшійся туманомъ-дождемъ разсѣялся. Небо прояснилось. Глянуло солнышко и вода изъ цвѣта керосина сине-чернаго перешла въ сине-голубой. Волны—живыя бугры-горы то поднимались, то опускались, словно падали въ пропасть... Гребни ихъ пѣнистые были снѣжно-бѣлаго цвѣта... А впадины долины-пропасти

и совѣтъ казались образовывали ложбины. Удивительно какъ здѣсь море напоминало степь, тѣ-же думы и печали навѣвало оно. Тѣ-же безграничныя дали. И невольно я ждалъ вотъ-вотъ въ долинахъ-впадинахъ зацвѣтутъ степные цвѣты, а съ гребней-холмовъ волны закиваютъ-закланяются головы ковыля. Но волны только бьются—льются другъ предъ другомъ. Лучшие юношескіе дни, любимыя—лица образы, встаютъ. Лучшія побужденія души—такія же чистыя, какъ бѣлоснѣжныя гребни—пробуждаются и жаль несбывшихся желаній—идеаловъ, которые летѣли въ душѣ и для которыхъ были отданы лучшіе годы. И досадно было за потраченное время—въ удушливыхъ-газахъ гасло-глохло все живое. О, волны, волны вы пробудили опять желанія. Вы зовете вновь къ борьбѣ. Въ вашемъ шумѣ-переливѣ, въ брызгахъ—столкновеніяхъ, въ вѣчной измѣнчивости слышенъ призывъ къ переоцѣнкѣ необходимыхъ человѣческихъ цѣнностей... И видна заря жизни, жизни новой обѣтованной земли...—Смирно!..—Здравѣй желаемъ ваше высокоблагородіе—Смирно!.. А... А... Грубая дѣйствительность отрываетъ меня отъ волнъ и я чувствую, какъ падаю далеко-далеко внизъ, что это и зачѣмъ люди дѣлаютъ такую ненормальность... Я вспоминаю о трюмѣ, о своемъ негодovanіи, когда мнѣ отвели поларшина ширины, два аршина длины, для моего житья бытья въ теченіи, полмѣсяца.. Массу мечущихся въ темнотѣ... жаркихъ тѣлъ, испаренія отъ рвоты и запахъ разлагающихся отбросовъ рвоты, скрежетъ, ругань—озлобленные удары—чтобы отвоевать себѣ еще вершокъ мѣста. Я вспоминаю крикъ-брань, почти драку за взятіе пищи-обѣда. Шумъ, гамъ, свистъ какой не издають и животныя и я не понимаю ничего. Теплый вѣтеръ уже обвѣвалъ мнѣ лицо. Необъятный просторъ былъ вокругъ, что-же это такое происходитъ, почему люди дѣ

шли до такого скотскаго состоянія... направо, на-лѣ-во...Кругомъ арш... морду не опускать... Ъшь глазами начальство! Утро... свѣжее благословенное утро... минута свободы, бытія одинъ на одинъ съ собой и окружающимъ кончились... Но командиръ проходить и взгляды опять упирается въ море.

Не было-ни птицы, ни судна, ничего живого, одни волны-игра волнъ, ихъ шепотъ, какъ музыка былъ ритмиченъ. Охъ вотъ на позиціи хорошо бы за такія волны прятаться, небось пуль не досталъ бы. Выше, выше гребни! И вдругъ мелькнулъ парусъ, первый парусъ за шесть дней. Какъ было пріятно. О, какъ радостно встрѣтили глазъ этого смѣльчака, что ѣхалъ на рыбацкомъ суденышкѣ поднявъ паруса и флагъ. Но увидѣвъ насъ, онъ быстро, на всѣхъ парусахъ, помчался отъ насъ прочь, а мы въ свою очередь помчались отъ него прочь и смѣнили курсъ, какъ заплутавшіеся бродяги, проѣхали зигзагами черезъ него лишніе нѣсколько часовъ...

Ночь... Я стою на часахъ у кормы на кораблѣ... Атлантическій океанъ горитъ весь представляя изъ себя до того невиданное мною зрѣлище: По черному полю нѣжно свѣтились блѣдно-голубые гребни, вспыхивая, потухая, ровно Ивановы червячки, вмигъ открываясь, закрываясь. То свѣтились маленькіе круги верха волнъ отъ соприкосновенія другъ съ другомъ, словно волна лобызаясь съ волной отдавали въ поцѣлуй всю свою страсть, не мощную, грозную, а тихую, нѣжную, ночную умиротворяющую, такъ мимоза распускаетъ свой цвѣтъ, а при прикосновеніи къ ней, цвѣтъ потухаетъ. Моментъ соприкосновенія другъ съ другомъ волнъ еще былъ полонъ нѣжнаго сіянія, но дальше при объятіи еще мигъ, одинъ мигъ и волны потухали...Иль можетъ быть просто то были маленькіе фонарики, которые зажгли нимфы въ ночь служенія Богинѣ-царицѣ морской...

За кормой отъ разрѣза руля раскинулась бѣлая, широкая фосфорическая полоса-дорога, она была, словно млечный путь, блѣдно-голубой съ тонкими отгѣнками. Маленькіе фосфорическіе точки какъ змѣйки были ровно живыя—крутили свѣтили хвостомъ, крутили головой и вытягиваясь рассыпали свѣтъ, ровно истаявая-умирая искрами фосфора. Большая дорога была уже вся полна горѣній. Въ ней не было отдѣльных точекъ-змѣекъ, она вся сбилась въ одну сплошную массу, рядъ царствъ изъ сказокъ тысячи одной ночи шепталъ океанъ. Онъ заставлялъ забыть огромную груду грязныхъ-парныхъ тѣлъ лежащихъ вплотную другъ съ другомъ, настолько вплотную, что когда повертывались-то упирались толкали тѣло одинъ другого. Забыть о качкѣ-болѣзни, что выворачивало все нутро. О многихъ, многихъ лишеніяхъ, что дала жизнь за послѣдніе два года.—Ой во лузѣ, тай и при березѣ. Раздилась родная русская по палубѣ пѣснь. Мощные, молодые, свѣжіе голоса, они также траковали-напоминали о чемъ то другомъ большемъ, сильномъ. Они говорили о способности къ борьбѣ, о могущемъ-идущемъ самосознаніи.—Быть не можетъ, а это что...—Что это?—„Дала ему, дала черны брови.“ Сырой, южный вѣтеръ, черная ночь, фосфорическое море, юные свѣжіе голоса, такъ толковали о томъ, что человѣкъ выше того, какъ его понимаютъ, что роковыя ошибки всегда возможны и не есть еще конецъ.

Работать, работать и день и ночь. Создавать, творить неустанно-непрестанно. Процессъ жизни мягкая глина-что хочешь слѣпить, какъ слѣпишь, такъ и будетъ...

Утро... Свѣтаетъ... приказъ надѣть пояса. Мы скоро обогнемъ... возможны встрѣчи... Синія волны моря съ каждымъ днемъ интереснѣе. Тѣ брызги-взлеты, что вчера крутились—крутились змѣйками, теперь весело рассыпались миллионами

мелкихъ частицъ. Они словно заигрывали, ровно были рады пробужденію солнца, ласковому вѣтру, голубому небу. Торопливо надѣваю поясъ и бѣгу на палубу. На гимнастику: поворачиваніе головы вправо, влево, начинай. Шагъ на мѣстѣ. Свѣтлыя волны плещутся и кажется то игра ихъ дѣйствіе контролируетъ дѣйствіе нашей игры, сейчасъ происходящей. Гимнастика продолжается... Право... лѣво... Но я не могу оторваться отъ моря... Вотъ уже сколько дней мы ѣдемъ и каждый день море показываетъ мнѣ свое новое лицо, каждый день его краски мѣняются, какъ лицо капризной, измѣнчивой женщины. Хмуръ былъ Ледовитый океанъ, мало въ немъ было солнца—свѣта, но за то весель, полонъ свѣта Атлантическій. Изъ недръ-волнъ котораго сейчасъ на глазахъ вставало, ровно умывшись, послѣ ночного сна, пробуждая живущихъ, блестящее, яркое солнце...

Поединокъ.

(Изъ впечатлѣній съ французск. фронта).

Погода прекрасна. Солнце свѣтитъ во всю и на душѣ легко. Солнце ли виною тому, что сегодня у меня волико-лѣпное настроеніе, или еще что? Но сегодня я радуюсь всему. И солнцу, и свѣту, и окружающей жизни. По синеголубому небу высоко, высоко надо мной распустивъ крылья рѣшетъ аэропланъ.

Вслѣдъ за нимъ, извертываясь кольцомъ вспыхиваютъ бѣлесоватыя облачка, то навстрѣчу ему—справа, слѣва отъ меня бухаютъ—щелкаютъ пушки, а онъ какъ царь птица, забираетъ все выше и выше.

Безконечная трескотня—легкія, маленькія облачка словно дѣлая отмѣтку его полету, вспыхиваютъ треугольниками въ голубомъ пространствѣ. Невольно останавливаешься. Стоишь не можешь оторваться отъ своеобразной картины. Погоня—безконечная погоня, кучковыхъ облачковъ, а аэропланъ словно смѣется надъ ними и все забираетъ, кружась, ровно степной беркутъ плавными кругами, выше и выше. И кажется, то не рукъ человѣческихъ созданіе, а самостоятельное вольное существо, которое не сѣетъ, не жнетъ, не собираетъ въ житницу...—Ай, ай, ай, смотрите, смотрите! Невольно глаза еще сильнѣе напрягаются... Чуть-чуть, едва-едва различая, выше надъ первымъ, сталъ за-

мѣтенъ другой, кружащій аэропланъ... казалось онъ былъ величиною много менѣе перваго.

— Бух... бу у... ух... продолжали стрѣлять пушки. А обѣ птицы, уже, ровно понявъ другъ друга, быстро принялись выравниваться,

Внизу находящійся забиралъ вверхъ. Но и второй шелъ слѣдомъ за нимъ, слѣдомъ, словно настигая.

Пушки смолкли. ровно въ свою очередь собирались наблюдать надъ поединкомъ. Чѣмъ сильнѣе бралъ круги и курсировалъ одинъ, тѣмъ увеличивалъ ходъ на столько же другой... Послышались отрывочные сухіе выстрѣлы пулеметовъ. То они двурукія птицы, стрѣляли другъ въ друга... Странный поединокъ. Ихъ ненависть не могла сгладиться новой атмосферой въ которой они находились отдѣлившись отъ земли. Издали оба они были маленькими, оба напоминали птицъ, но не какъ птицы стали на дыбы грудью съ грудью другъ передъ другомъ...

Глаза не отрывались... Удары щелкали, сыпались...

Воздухъ прозрачный, свѣтлый, быстро передавалъ щелканье... Казалось словно стальной непрерывный бичъ одного протягивался щелкалъ по другому... То былъ клетоть,—не мягкій мелодичный клетоть перелетныхъ птицъ, а сухой старческій, отрывистый клетоть-рѣчь ихъ другъ съ другомъ... Каждый почти угадывалъ повороты другого, парировалъ ихъ точно такимъ же поворотомъ, ровно мысль одного была невидимымъ бичемъ соединена съ другимъ... Свѣтло, пріятно весело наблюдать... Да неужто они на самомъ дѣлѣ вышли на поединокъ?..

Вдругъ одинъ прервалъ рѣчь запатавшившись накренился ему что-то не хватало, онъ словно сложилъ крылья на спину и въ синемъ воздухѣ какъ то неувѣренно спланировалъ... Но другой не сдѣлалъ—не скопировалъ поворота.

противника и не сложилъ крылья, а ударъ за ударомъ щелканье его бича продолжались.

Мельканье первого въ прозрачно-синемъ воздухѣ было трудно уловимо...—Томбе, томбе закричали французскіе,— „капуть, капуть“ закричали и русскіе солдаты... Заухали-засыпали вновь послѣшно пушки. И облачка уже вновь отмѣчали ложились вокругъ накрепившагося... Мгновеніе... У птицы, словно изъ груди послѣдній вздохъ вырвалась своя отметка—клубъ чернаго дыма, словно она ей—отметкой, въ остальной разъ съ кѣмъ то просталась. Все тѣло ровно содрогнувшись заколебалось и съ страшной быстротой она ринулась внизъ скрывшись за горизонтомъ. А оставшійся ровно соколъ гордо-одинокимъ зарѣялъ въ воздухъ... И былъ онъ полонъ увѣренности въ себѣ мощно-сильно разсѣкая крыльями воздухъ...

Г а з ы.

(Изъ впечатлѣній съ Французскаго фронта).

Послѣ обѣда я смѣнился... Крѣпкій вѣтеръ дулъ въ нашу сторону и сушилъ подмораживалъ землю. Свѣтило солнце. Настроение окружающихъ меня точно такихъ же, какъ и я людей, было приподнятое. Воля природы выраженная въ погодѣ настраиваетъ человѣка, ровно музыкантъ настраиваетъ свой инструментъ...—Смотри-ка, смотри, что это?

Круглый баллонъ съ прикрѣпленной корзиной летѣлъ въ нашу сторону. Онъ держался высоко...—Что это?—Э...а.. вонъ второй!.. Второй летѣлъ низко и имѣлъ намѣреніе спуститься.—Что-бы это значило, кто летитъ въ нихъ... Что за корзины привязаны?.. Мы цѣлый десятокъ людей—побѣгли слѣдомъ. Воздушный путникъ совсѣмъ снизился... Держи, держи! Пятеро ухватились за баллонъ, а двое выкидывали содержимое изъ корзины, которая была полна тюковъ газетъ, журналовъ. Попутный вѣтеръ съ силой швырнулъ волну воздуха, приподнял баллонъ и держащихся за него, которые бросили коврики матеріи и баллонъ вновь понесся продолжать свой путь.—Ткнуть бы его въ бокъ, вишь онъ какой огромный, да боязно а-ну, ка въ немъ газъ... Мы подѣлили газеты, годятся если не читать то подстилать, виѣсто скатерти во время обѣда и отправились во свояси.

— Ну, братъ, жди теперь газовой атаки—видишь смотреть въ какую сторону вѣтеръ... Да... да... быть... не даромъ же отправилъ баллоны!..

Сегодня ночью я потерялъ цѣлую заготовленную къ отправкѣ корреспонденцію. Да и какъ было не потерять. Ровно въ два часа ночи, я почувствовалъ, какъ кто-то меня толкалъ сильно въ бокъ.—Слышишь скорѣй, скорѣй надѣвай маску... Спали мы въ одеждѣ, маска въ головахъ... Открываю глаза—терпкій запахъ. На меня смотрятъ два, стеклянныхъ глаза... Отвисшая мотня вмѣсто подбородка...—Скорѣй... скорѣй... я вскакиваю, натягиваю на себя маску, накидываю шинель.—Что братъ?.. Не баранъ чихнулъ. Баллонъ съ газетами не даромъ былъ посланъ...—Гдѣ то свѣчка, надо разжигать печку, отворяйте двери, мы его дымомъ встрѣтимъ.—Нѣтъ не успеешь, надо вылазить, а то и совсѣмъ скверно онъ ямы, какъ наши больше всего любить осаживается...—Бу...уу. Ба...а...ах!.. Тренцали, шумѣли, свистали, галдѣли, ухали, выли, пушки, люди, животныя...—Вскакивай всѣ...—Вишь сатана, вѣтеръ съ его стороны! Сердце билось, дышать было непріятно-тяжело въ маскѣ. За слюдой служившей вмѣсто стекла было плохо видно... Мы гуськомъ выбрались изъ убѣжища... Бу...у...ух... Тр... ррр...рр...Ба...а...а...ах!..Ба...а...ах!.. Въ свѣтлую лунную ночь, лѣзло, расползалось, стлалось по землѣ, что-то блѣдно-зеленое, катилось медленно, какъ клубокъ дыма изъ печки... И несло съ собой тотъ приторно-вонючій запахъ, что губить все встрѣчаемое на пути. Деревья, животныхъ, человѣка. Ускур... (на помощь) слышится крикъ!—Есть ли запасныя маски?...—Есть!—Смотрите этихъ хватить на полтора часа, а газы продержатся много больше!..

— Ба...а...а...Ба...а...ах... съ силой плюется на встрѣчу пушки, разбивая облачныя кучи...—Славу Богу, встрѣчаютъ, разобьютъ ихъ...прогонять...скверно.— A la tous la gase! (газовая тревога) Attaca par la gase! Гортанный крикъ.— Смотрите, смотрите вѣдь онъ ползетъ, какъ живой!..—Да онъ живой и есть!..—Хе...хе...дымомъ его, дымомъ встрѣчать, вотъ онъ и обрендить...—Зажигай костры, солому, уголь, дрова, все что можно. Давай у кого есть, разжигай...—Братцы гляньте-ка, гляньте-ка...валится лошадь!..—Ахъ волкъ ихъ ѣшь, чтобы тому, кто ихъ газы выдумалъ, ни дна, ни покрывки, десять разъ въ гробу перевернутся. Скажите-ка, чай не шутка, все глушить, ну, человѣка-то, туда-сюда, а животное-то, дерево, что ему мѣшаетъ?—А птица—вонъ, вонъ смотри-кась, какъ комъ!—Эй, кто тамъ балякаетъ?.. Сюда, сюда. На лошадакъ смѣнять маски!..—А ты не грохочи, смерть подходить, а ты грохочешь, здѣсь какъ можно меньше говорить надо, легче перенесешь!..

Ба...а...а...Бу...у...ух...! Атакка продолжается. Дыханіе спирается, ощущеніе приторно-сладковатое, что бываетъ послѣ операціи у человѣка бывшаго подъ хлороформомъ. Блѣдно-голубой дымъ ползетъ по землѣ... Было тоскливо отъ того, что нельзя было дышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, что нельзя было снять съ лица намордника, а газъ ползъ и ползъ...—Меньше движеній, меньше говорить...смѣняйте маски на запасныя!..—Есть?...—Готово!..—Э...э...кошка-то, царапаетъ ноздри, что съ ней дѣлать?...—Платокъ водой, да въ носъ... Птицы, животныя, люди всѣ падаютъ ницъ, гибнуть, гибнуть отчего то ползущаго, хватающаго какой то невидимой рукой, провикающаго во всѣ поры зелено-блѣд-

наго безформеннаго... Черезъ стекла маски трудно было смотрѣть, въ грехъ шагахъ предметы не разглядывались, казались какъ въ туманѣ. Люди до того знакомые всѣ становятся однородными-чужими, плывутъ какъ въ туманѣ.—Плохо мнѣ брать...совсѣмъ...—Не открывайте маски, держите новую наготовѣ... Кто-то хрипитъ, кто-то кашляетъ-кашляетъ съ рвотой и не можетъ прокашляться... Готовъ?.. Скорѣй, скорѣй! дѣлайте вырыскиваніе морфія! кто скребетъ руками землю?..

— Скверно, скверно, какая это чертъ война—дымомъ, облаками... И ниже, ниже никли намордники-маски съ отвислыми бордами... Автомобиль поручику Д!..—Что?..—Готовъ!..—Плохо!.. Газъ былъ съ примѣсью новаго состава...—Смотрите, смотрите... Блѣдно-голубая волна плыла по землѣ ростомъ въ сажень и выше на встрѣчу намъ и казалось то было, что то живое разумное, до толѣ намъ невиданное, существо иного вѣка, иной планеты... Развести костры, посылать на встрѣчу дыму дымъ... Бу...у...ухъ...ба...а...ах...ухаютъ, воютъ пушки, они продолжаютъ отбиваться отъ налѣзающихъ на нихъ желто-голубыхъ облаковъ, которыя стлались, крались по землѣ, ровно живыя, одухотворенныя существа... У...у...у!.. воетъ-стоветъ предупредительный свистокъ... Дѣло серьезнѣе вторая волна пущена...—Жги, зажигай все что можно—солому, дерево, уголь, все что можно... Не трусь, вѣдь это только дымъ, а дымъ дымомъ прогоняется.—Нѣтъ ли разжишки все пожгли... Христа ради, хоть клочекъ бумаги?.. Я вытаскиваю, выворачиваю все что было изъ котомки, служившей мнѣ домомъ, такъ старательно до того сложенное-береженое, письма, корреспонденціи не различаю теперь, щупаю руками бумага и бросаю, бросаю на съ трудомъ поддающейся разводный дымъ...

— Смирно!.. Не покидать постовъ ни на минуту до-

носятся глухой голосъ изъ за маски, голосъ команды— „умри на мѣстѣ!“... У...у...у!.. Продолжаютъ выть сирены. Не двѣ, не три будутъ волны, а много, долго, настойчиво, они будутъ сжимать носъ за горло... Невольно бьется усиленно сердце, ровно остаешься одинъ на одинъ самъ съ собой, все было неземнымъ чужимъ далекимъ, такъ не привыкшимъ къ простому обыкновенному, ранее воспринимавшемуся, человѣческому...

Если бы глянуть сверху внизъ, то можно было бы видѣть, какъ газы, ровно бѣлыя, кучковатыя, волнистыя тучи ползли низко-низко надъ землей... Сверкали сигнальныя ракеты, красныя, бѣлыя, синія, ухали еще поспѣшнее пушки, визжали тяжелыя, легкія мины, пулеметы, а онъ словно тяжело переползая подгоняемый вѣтромъ перелѣзалъ, катился вверхъ на гору...

Можно было бы видѣть, какъ вся долина-ложбина между двухъ полуторій-возвышенностей жила нечеловѣческой жизнью на протяженіи десятка верстъ видимаго глазомъ. Дальше по фронту на много километровъ была одна и таже картина...—Все живое уже не представляло изъ себя цѣнности, для живого обыкновеннаго ранѣе существовавшаго не оставалось больше воздуха, нечѣмъ было дышать...

И вскорѣ съ полугорья можно бы было только видѣть-замѣтить одинъ сплошной дымъ, который по краямъ разрѣзался всплескомъ огня ровно—секундной вспышкой молніи...

Кто могъ сказать, что это дѣло рукъ человѣка. Кто, что въ этомъ понималъ?!!

Странствіе.

(Изъ впечатлѣній съ французскаго фронта).

Мы стрѣляли изъ за труповъ товарищей, которые были навалены горами и служили намъ вмѣсто окоповъ...

Онъ жарилъ по насъ пулеметами. Изрѣшетилъ вдрызгъ уже не разъ продырявленные тѣла товарищей—отъ которыхъ куски мяса летѣли въ лицо и запекавшаяся кровь размазывалась по одеждѣ, лицу одеревенѣлымъ рукамъ, ногамъ. У него пушки, у насъ ружья. Борьба неравная.

Отступать было некуда—позади огневая завѣса—все равно скосить, оставалось умирать. Каждый изъ насъ, какъ и стоящій рядомъ, такъ и въ отдаленіи получалъ свою долю—кусокъ чугуна-свинца и былъ радъ, до безумія радъ Славу Богу одинъ конецъ. Не спали уже трое сутокъ, шли двое сутокъ по пятидесяти верстѣ, а на третью принялись отстрѣливаться. Стрѣляли, заряжали механически, съ закрытыми глазами—лишь бы выстрѣлить. Хлѣбъ давнишній мерзлый, когда куски его зачѣмъ то машинально бросались въ ротъ, то зубы, десна кровянились отъ разжевыванія... Здѣсь уже небыло критики, которая все таки есть результатъ нѣкотораго довольства. Бранять артельщика, артельщиков каптенармуса, послѣдній дежурнаго, дежурный дневальнаго, а дневальный—солдатъ,—прожорливы очень, видишь всѣ порціи съѣли, а онѣ порціи—съ наперстокъ. Въ настоящую цѣль

заглянуть бояться.—Здѣсь былъ уже сплошной бредъ, но и онъ могъ оборваться, смѣниться худшимъ—послѣдніе патроны были на исходѣ, его могло смѣнить молчаніе, благодаря которому послѣднее ощущеніе себя кончилось бы. Осталась бы одна инертность, тупость покорность судьбѣ... Конечно держались не ею, а гдѣ то еще теплившейся-шевелившейся увѣренностью,—„авось?—“Авось чертъ подери... Вдругъ чудо—масса аэроплановъ, цеппелины, артиллерія, бомбы и все на непріятеля, или иная какая либо выручка-подмога отъ своихъ. Но, но, все меньше и меньше оставалось людей. Иного толкнешь, онъ готовъ, такъ стоя и стоялъ мертвый. Иной еще моргаетъ глазами, но все остальное кончилось. Иной дико захочетъ закричить.—Впередъ, впередъ за мной. Слышите музыку, музыку—это они, они, наши... выручка... Ха... ха... ха... ха!..—Но авось, авось же чертъ подери?.. И чудо совершилось. Или врагъ усталъ—изнемогъ, или изъ насъ оказался кто нибудь, да одинъ, словно во время оно при выходѣ еврейскомъ Библейскимъ праведникомъ, благодаря которому всѣ судьбы перетянулись... Мы устояли-дожили до ночи... А ночью онъ прекратилъ—оборвалъ огневую завѣсу.

Кончено... Кончено... А тамъ дальше... Мы на отдыхѣ, потомъ смѣняемъ обстановку-фронтъ. И я вновь берусь послѣ ружья, лопаты, за перо, вновь наблюдаю...

—Шель солдатикъ изъ похода, восемнадцатаго года.. да э... ах...изъ Китая...изъ Китая!..

—Что распѣлся, ты чини мнѣ сапоги скорѣй!—Починю успѣется. Самому братъ ротному сдѣлалъ, а онъ у насъ вонъ какой—угоди-ка братъ, строгій. У сапожника всегда засѣданія. Вечеромъ въ его землянкѣ полно народу. Пріятно смотрѣть на столики на которомъ разложены незагѣйливые инструменты—ножикъ, шило, дратва, гвозди. Самъ сапожникъ

молодой 25 лѣтній парень постукиваетъ себѣ молоткомъ по подметкѣ. Его веселые глаза на испитомъ—изможденномъ лицѣ блестятъ юморомъ.—Починю, только газету за это доставь—обѣщаль вѣдь доставить...А можетъ и ненадо ее—газету, можетъ лучше ихъ читать? Иду я это надысь по ихъ деревни, вижу такая чистенькая, красивая смѣется, хлопочетъ въ ладоши хлопаешь. Тутъ братъ я и остановился, у ней зенки—то большіе, весело такъ моргаютъ, словно мнѣ что—то говорятъ.—Нѣмъ я, а понимаю. Воротился и давай ей жать руку. Жму, а она смѣется и говорить—„карошо.“—Извѣстно—хорошо—сапожникъ ну, гдѣ до него нашему брату не мастеровому. Наше дѣло только готовое потреблять а обѣ остальномъ насъ нѣтъ.—Шелъ солдатикъ торопился возлѣ бабы опустился...эх... дай—напиться!..

— Гвоздь впередъ лѣзетъ, онъ только одну точку, одну точку держитъ, такъ и нашъ сапожникъ, что ему—ездѣ хорошо, ездѣ посадятъ за столъ—тачай себѣ сапоги, а вотъ онъ бы побылъ на моемъ мѣстѣ...Узкіе глаза, закинутая каска...—Бобрикъ ты, что это?..

—Да не что, я три года странствую, тяжело ударяя на послѣднемъ слогѣ словно выдавливая слова заговорилъ Бобрикъ.

—Взяли меня прямо въ окопы. Я попалъ въ плотники, по саперному дѣлу, много хватилъ горя. Отецъ одинъ остался семидесятилѣтній, писалъ я прошеніе, чтобы отпустили. Отпустили, сѣнокосъ двѣ недѣли проработалъ. Лицо Бобрика все мучительно напряглось отъ воспоминаніи. Хватъ надо. Опять берутъ. Пошелъ до писаря, далъ двадцать пять рублей.—Ты говоритъ онъ, иди да не показывайся съ недѣлю. А послѣ недѣли явишся. Ну, работалъ у шурина. Сталъ жать хлѣбъ. Ну, меня опять забрали на работу, совсѣмъ съ лошадыю. Работаю—колья ножу. Дня черъ два старшій

даетъ мнѣ денегъ двѣнадцать рублей.—Заѣзжай-ка въ деревню—купить спирту. А тутъ спиртъ въ рѣку выпускали. такъ нѣкоторыя бабы успѣли себѣ понабрать. Купить у нихъ можно. Я повезъ колья. Ъду, а нѣмцы конные человѣкъ тридцать, поставили лошадей да къ желѣзной дороги подскочили и давай отвинчивать болты у рельсъ. Трескъ ружейный, завязалась перестрѣлка. Вижу плохо. Я прямо домой. Всѣ плачутъ. Нѣкоторые даже съ утра на базаръ уѣхали—возвратились. Шумъ, гамъ, пискъ. Я запрягъ двѣ лошади нагрузилъ обѣ добромъ. Было у меня 30 десятинъ земли, коровъ штукъ двадцать, овецъ, куръ, гусей не проворотишь, свиней четыре, двѣ съ поросятами. Закололъ двухъ поросятъ, еще схватилъ двухъ куръ. Трогаться... Хватъ бѣжить на встрѣчу сосѣдка съ двумя ребятишками, за ней будочница, а у ней шесть ребятишекъ, одного держитъ подъ мышкой, одного въ рукахъ, четверо за хвостъ держатся.

Посади. Что дѣлать—сбросилъ я добро съ одного воза—посадила. Самимъ некуда—сбросилъ и съ другого... И лошадей гнать бѣгомъ. Приѣхали на ночь, верстъ за тридцать къ шурину. Народъ кругомъ словно облени объѣлся, кто пьянъ отъ горя, кто отъ вина. А знаете что, сколько этихъ ребятъ по канавамъ разбросано; жена на дорогѣ еще троику упросила меня подобрать. Зажарили куръ и поросятъ ночью, стали ѣсть, такъ вмигъ растаскали. А анъ уже къ утру снаряды загудѣли.

Надо бѣжать дальше...

—Нѣтъ ли хлѣбчика кусочекъ, нѣту миленькій дружочекъ, э... эх...

Нѣтъ ни крошки!..

—Чего думать все это странствіе было и бывшемъ попросло... Теперь братъ вотъ тутъ поѣшь хлѣбца.—Оно такъ-то такъ, да жаль, мнѣ—мѣста у насъ раздолье. Фрук-

ты, безъ конца сады...—Не вѣшай носъ, не печаль хозяина.— Да, братъ, письмо получишь, что имъ дѣлается... Сапожникъ глядитъ на подметку—любуется.—Эхъ и подметки десять лѣтъ носи не сносишь—любезное дѣло это сапогъ, въ немъ нога, какъ въ пуховой постели, не то тебѣ, что у нихъ щитиблетишки, чуть ступишь въ воду и залилъ...— Да они братъ шоссе для нихъ, для щитиблетишекъ устроили все потому, что сапогъ нѣтъ.—Молчи, соленныя уши?—Конечно соленныя! Пермской... Имъ Ермакъ Тимофеевичъ уши поосторвалъ, посолить, да потомъ опять поприставить!— Нѣтъ ли кружечки водицы? Э...эхъ! я бы дала тебѣ напитокъ, да тепла моя водица... э...эх... негодится!—Потому они и чудной народъ такой... Возьми исправный, одни уши только... Сапожникъ вскочилъ...—Это-же негодится, ты пришелъ ко мнѣ въ гости и меня-же ругаешь—пошелъ вонъ!

Все смолкаетъ... Вдругъ кто-то изъ присутствующихъ спрашиваетъ—Бобрикъ, а что же дальше... И Бобрикъ продолжаетъ рассказывать.—Дальше на утро старики и молодые... совѣщались... Послать рѣшили. Насъ послали узнавать... Что и какъ, выбрались мы утрое, да двѣ дѣвки, запряган лошадей, ѣдемъ... Проѣхали верстъ пятнадцать, встрѣтили казаковъ—спрашиваемъ—какъ и что?—да говорить отбили!—А наша деревня цѣла?..—Да говорятъ,—ничья! Ѣдемъ до нея. Добрались, пусто-тихо... Коровы бродятъ—вымя полны, не доены, лижутъ намъ руки... Тутъ я сбросилъ имъ сѣна, говорю дѣвкамъ—„дойте коровъ, пропадутъ иначе. Свиньи, овцы куры подъ ноги бросаются... Даль и имъ корму... А самъ пошелъ съ ребятами по деревнѣ, все какъ у кого было, такъ брошено...Тихо, ни души. Только два старыхъ-глухихъ старика сидятъ на завалинкѣ. Какъ увидали они насъ, такъ обступили. Слезы у нихъ изъ глазъ сыпятся—цѣлуютъ глядятъ по головѣ—Христа ради, возъ-

мите, возьмите мы не останемся, здѣсь нѣтъ никого, очень скучно. Насилу оторвались...

Идемъ дальше... Тутъ смотришь у одного, у другого скотина, мычатъ коровы, ржутъ лошади, все расперто настѣжь—бери что хочешь. Ну надо вѣдь и выбиратьсѣ. Поймалъ я съ десятокъ куръ, переловилъ позарѣзаль поросятъ, далъ еще корму лошадямъ, коровамъ да обратно. Ъдемъ. Вереть пять отѣхали... Хватъ на встрѣчу изъ лѣсу показались конные. Приглядываюсь нѣмцы... Подскакали...—Казакъ, казакъ есть?—Говоримъ-отвѣчаемъ есть! Показываютъ,—ѡжай обратно, направленіе на нашу деревню!...—Ну, что—жъ повернули, значить въ плѣну. Они почти до самой деревни за нами слѣдомъ. Проводили и уѣхали... Къ утру на нашу деревню стали падать, ложиться снаряды... Вся деревня загорѣлась. Отъ огня пошелъ трескъ, шумъ... Съли мы на лошадей и поѣхали на удалую... Снаряды рвутся... лошади шарахаются, а я все смотрю назадъ. Разгорается пламя. Вижу на нашу улицу перебросило, а у насъ домъ былъ пятистѣнный, красивый—вижу, какъ ѡжигъ шарахается скотъ вонъ изъ деревни. Увидалъ своего жеребенка мною былъ выхоженъ отъ сосунковъ, онъ ровно сумашедшій выбѣгъ, заржалъ, да назадъ въ улицу—прямо въ огонь... Легъ я въ телѣгу хлестнулъ лошадей и больше не оглядывался... Вотъ что...—Ну а дальше, дальше что—же?...—Дальше? теперь я на позиціи, а жена около позиціи—всей семьей воюемъ. И чужія ребятишки трое и своихъ надо прокормить...—Нѣтъ ли хлѣбчика кусочекъ...э...эх... нѣтъ ни крошки!...—Пошли, пошли всѣ спать—...Пора, да и свѣчка впиши догораетъ!... Молчкомъ вылѣзаемъ изъ землянки, плетемся ходами сообщенія... Смотрятъ съ верху звѣзды крупныя, большія, вспыхиваютъ синія, зеленныя ракеты. Идетъ ровно валькомъ по скалкѣ, трескъ переваль перебрасываю-

щейся артиллерии...—Э... ай... Бобрикъ почему на небѣ звѣздъ много... Не знаешь...А?...—А я знаю!..—Почему?—Потому что народу стало мало, а съ народомъ убавились и звѣзды. Надъ каждымъ человѣкомъ была его собственная звѣзда...Бобрикъ идетъ, размахиваетъ руками и тихо бурчитъ—„да, теперь вмѣсто звѣзды свѣтитъ ракета, ну и это же странствіе!..

Плѣнные.

(Впечатлѣнія съ французскаго фронта).

— Попались мы подъ Ломжей. Весь полкъ былъ вдрызгъ разбитъ. Собрали насъ по одиночкѣ человѣкъ съ триста. Двадцать два мѣсяца пробыли. Охъ, и горя хватили! Пятнадцатый годъ вамъ еще было сносно, попадало по куску мяса, ну, а въ шестнадцатомъ совсѣмъ стало худо. Осталось насъ изъ команды въ триста человѣкъ сто шестьдесятъ (остальные умерли). Кормили—кусочекъ хлѣбца, да болтушки. Свои у него цивильные п то двѣсти пятьдесятъ граммъ получали муки на день, да шесть кило картошки на недѣлю, да изъ общаго котла порціонъ—горячую воду и все тутъ, а про насъ, чужихъ и толковать нечего. Человѣкъ отъ голода одурѣетъ какъ сумасшедшій. Иглу ищетъ какую-то, упрется въ уголъ, потомъ съ пустого (простого) дерева орѣхъ сшибаетъ. Разъ бочку тухлыхъ кишекъ нашли, претъ отъ нихъ, а мы ихъ всѣ поѣли.

Въ помойной ямѣ найдешь кость—это счастье, шелуху отъ картофеля—совсѣмъ большое счастье. Въ обѣдъ.. стоимъ за проволочнымъ загражденіемъ (казармы у насъ

ограждались), свой сунъ духомъ выжили, ждемъ не кинуть ли корку, вѣмецкіе солдаты. У иного нашего ноги распухли—больной, тащатъ на работу насильно. Сажаютъ его прямо на снѣгъ, дескать, если не работаешь, то хоть такъ сиди. Понятія у нихъ нѣтъ. Получали за работу пятнадцать пфеннинговъ въ день, но купить на нихъ ничего нельзя было, кромѣ папиросъ. Копилъ я девять мѣсяцевъ. Накопилъ тридцать пять марокъ, хотѣлъ купить на нихъ хоть одинъ каравай хлѣба, да поѣсть хоть разъ всласть, но его и за сто марокъ не достать.

Послѣ Рождества особенно стало худо, когда узнали что мира не будетъ. „Пане, бруть (хлѣба)“. Нема, нема“ Сахару двадцать два мѣсяца не видали. Въ банѣ тоже не были. Такъ и ложились на ночь въ чемъ были днемъ, не раздѣваясь. Баракъ былъ желѣзный, огромный. Три печки желѣзныя стояли, но топка была запрещена, такъ надыхемъ—съ потолка капаетъ прямо на насъ, встаемъ—одежда мокрая. Работа тяжелая—кубъ-саженъ выкопать для окопа. Вечерами дѣлами—лили мы кольца алюминіевыя. Изъ снарядовъ, такъ отъ скуки. Ну, иногда за кольцо бросятъ корку и ту всю обмусоленную, я бы его дома къ себѣ самого на десять шаговъ не подпустилъ, а тутъ оглодокъ отъ него ѣлъ, за счастье считалъ.

Готовились долго-долго вдвоемъ. Мнѣ двадцать четыре, ему двадцать одинъ; молоды да ко всему еще дома привыкли, и то нѣтъ мочи—рѣшили. Оба полтавскіе земляки изъ одного села—товарищи. На счастье еще бѣгунковъ не было, а то въ одномъ мѣстѣ собрались бѣжать, хватъ впередъ насъ убѣгли, бѣжать уже никакъ нельзя. Строже слѣдять. А не дай Богъ, поймаютъ—къ столбу за руки и за ноги привязываютъ, по тѣлу толстыми ременными плетнями бьютъ, засѣкаютъ. Хлѣба въ запасъ негдѣ взять,

такъ и вышли голодны. Перелѣзли—натянули я проволоку и онъ, этотъ мой товарищъ перестунилъ. Забѣгли за баракъ. Лѣсъ чистый, вѣтки лѣзутъ въ глаза. Слышу—въ одномъ мѣстѣ заухали. Э... э... Слава Богу, артиллерія. Подались на выстрѣлы. Попали подъ обстрѣлъ французской артиллеріи, ушли отъ него къ болоту—сталь свѣтъ. День пролежали—дождь, туманъ. Льетъ за воротъ, мокры, зубъ на зубъ не попадешь. Лежимъ, не шевелимся—замерли. Подошла ночь. Пошли вдоль по болоту. Цѣлую ночь. ровно цѣлая вѣчность, силы падаютъ, поѣли коры деревьевъ. Подошли къ проволочнымъ загражденіемъ его, нѣмца, ровъ глубокій, перелѣзли и ползкомъ. Ничего у меня не было своего. Все нѣмецкое. Когда въ плѣнъ попадешь, те всего оберутъ—растрясуть сумку, потомъ стащатъ сапоги и одежду, дадутъ опорки и лохмотья взамѣнъ.

Двѣ рѣчки на дорогѣ попадались и обѣ благополучно. На первой мостомъ служила липа, она перекинулась обломками и легла черезъ рѣку, на второй нашли лодку.

Передняя линія; стоять—говорять три человѣка и далеко другъ отъ друга., Замучили окопы, загражденія. Ну, надо. А тутъ... Но какъ?...

Вотъ какой провалъ, загражденіе, товарищъ ослабѣлъ еле тащится. Да и ихъ караулъ, того же смотри, нарвется... Подошли—большой, глубокій ровъ, перелѣзть никакъ нельзя. Идемъ вдоль окопа. Видимъ—плетнями оплетены. Стѣзли по плетнямъ и залѣзли на другую сторону—опять колючія проволочныя загражденія. Сталъ рѣзать. никакъ не разрѣжешь. Наконецъ, разрѣзали. Перелѣзли черезъ нихъ, подошли къ французскимъ, кое-какъ перелѣзли первыя загражденія, а черезъ вторыя никакъ не перелѣзть—не можемъ. Часто они спутаны, да и силъ не стало ихъ разрѣзать. И вотъ товарищъ легъ и говоритъ: „больше не могу“.

Я давай было его тащить, да выбился изъ силъ; онъ твердить „бросай меня, а самъ иди“. Пошелъ одинъ, взяла жуть—закричалъ: „камарадъ, камарадъ“. Вижу, высунулся человекъ иной формы, надо быть французъ, услышалъ—понялъ. Махаетъ руками, ровно спрашиваетъ, отвѣчаю: „русь, русъ“ Онъ покалалъ мнѣ проходъ. Я отвѣчаю на пальцахъ, что насъ двое. Говорить: и его тащи...

Ну, воротился я. Взвалилъ опять товарища на спину, И откуда сила взялась! У самого ноги ничего не чувствуютъ (у него, у товарища, тоже, вмѣсто пальцевъ, одно сплошное мясо), а бѣгомъ.

—Слава Богу, наконецъ-то добрались, а то бы не миновать съ голоду помереть. Кто помоложе, тотъ вытерпится, а кто постарше, тотъ обязательно гибнетъ, потому одна вода, да лепешки изъ смѣси... Второй также въ свою очередь утверждалъ...

Работали восемь верстъ отъ передней позиціи окопы, которые приказали кончить въ три недѣли.

Хлѣбъ у нихъ черный, здѣсь что солдатъ ѣсть во Франціи, то въ Германіи офицеръ не ѣсть... Хлѣбъ большой смѣси половинна картофеля, четверть деревянной муки и четверть хлѣба, да и тотъ разрѣжешь и думаешь—не то ѣсть, не то на него глядѣть. Утромъ поѣшь—разъ-два куснешь и все, а къ вечеру надо оставить, съ котелкомъ идти воду горячую съ настоемъ изъ какимъ-то листьевъ пить. Супъ—немного брюквы, соли, да вода.

Картошку нарочно просили варить не чинцевной, съ кожурой—все погуще. Какъ воронъ крови—ждешь ты пинци. Больной сидятъ, получаютъ полпорціи. Просить: „братцы, проведите меня... Возьмешь его подъ руку, а у него ноги волочатся—никакъ не согрѣться ему, такъ и погибаетъ.

Писали намъ—посылали четыре посылки. Получилъ

одну, сухари, да видно возлѣ нихъ лежалосало, вытащили обмазаны ровно саломъ, такъ языкомъ полижешь, къ носу подведешь—пахнетъ.

Самое главное—ракетыпомогаютъ. Хотя вотъ французскія мѣшаютъ. Ляжешь, она все освѣщаетъ. Ждешь, ждешь, когда она кончитъ свѣтить, всѣ жданки поѣшь. Французы въ это время иногда изъ пулеметовъ жарятъ, но онѣ пули, выше насъ.

Голубые глаза, сѣрое лицо, губы, покрытыя бѣлымъ налетомъ, качающаяся походка. Они сидѣли за столомъ, рассказывали и ѣли долго, упорно, много и никакъ не могли наѣсться. Вся одежда нѣмецкая въ ключьяхъ. Только фуражка своя одна.

Вши прямо съѣли. Свели насъ французы въ баню, вымыли, одѣли во все французское... Будто въ рай попали. Не то что у нѣмца, року капутъ (сапоги кончились). палка и отвѣтъ—„сапоги карошъ.“—А чего „карошъ“, они уже развалились, на природныхъ подметкахъ ходишь...

Оба рассказывали и въ то же время рѣзали перочинными ножиками бѣлый хлѣбъ. И смотрѣли (они) на хлѣбъ какъ на какое-то особое существо, подбирая крохи, а когда неволью глаза всѣхъ послѣ конца рассказа остановились на нихъ, то одинъ виновато добавилъ: „Такъ бы вотъ все сидѣлъ и ѣлъ, ужъ очень не вѣрится, что это хлѣбъ, да еще бѣлый, и его можно ѣсть сколько хочешь“.

Къ Реймсу.

Вечерь. Звѣзды. Мы идемъ шоссейной дорогой къ Реймсу. Широкая дорога. Уставленная по бокамъ деревьями. На встрѣчу попадаютъ повозки со скарбомъ. Это уѣзжаютъ нервные, слабые люди. Бомбардировка—сверкають-блещутъ, какъ искры молній орудійные снаряды. Отдаленно грохаютъ бухаютъ 18 дюймовки. Мчатся автомобили, съ нервными тонкими обостренными лицами, маячатъ аэропланы, жужжать, какъ майскіе жуки пропеллеры. Ухаютъ раскатываются сотрясая воздухъ, морскія, тяжелыя батареи. Возъ, съ нагруженной капустой стоитъ прямо брошенный на дорогѣ. Жизнь все идетъ, какъ шла и раньше десять дней тому назадъ. Мы смѣнили не одно мѣсто на фронтѣ обращенные, ровно цыгане въ летучую дивизію, если бы не грузъ за плечами, да не эта бы обстановка, были бы совсѣмъ бродячій народъ... Бу... у... у... Д.. з... з... зз!..—Гришку, Гришку задавило! Гришка общая собака нашей команды—нервная, маленькая. Она шарахалась отъ выстрѣловъ, то подъ повозку, то подъ ноги лошадей и какъ то не успѣла убрать во время свои ноги... Одинъ изъ насъ самый молодой паренекъ по прозвищу—„графъ“—„... взялъ Гришку на руки...“ Не визжи, сама виновата, что трусишь безтолку... Слезы лились изъ глазъ Гришки... А графъ 23 лѣтній парень сосмѣющимися сѣрыми глазами и безъ того уже перегруженный вещевымъ мѣшкомъ, телефонными катушками, иронизировалъ.—Мы

графъ Вятскій, Шадринскій и проч. проч. объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрно-поданнымъ, что отнынѣ нашъ рабъ и товарищъ Гришка находится подѣ особымъ нашимъ покровительствомъ, для чего и отводимъ ему особое мѣсто въ своей собственной вотчинѣ. Гришка сидѣлъ на раицѣ графа и лизалъ окровавленную лапу...—Бу... у... ух...—Ишь, ты дьяволъ эй... право, ла ба... —нѣтъ, нѣтъ, дай дорогу... Старикъ сѣдой запряженный въ телѣжку везъ телѣжку, а сзади женщина еще старѣе его еле-еле передвигая ноги подталкивала и держалась за телѣжку. Люди уходили, хотя побѣда уже обозначалась на нашей сторонѣ, но у кого выдержать нервы и день, и ночь слушать эти адскія завыванья.. Вотъ два коня-домовика запряженные гуськомъ тащатъ—тянутъ отстукивая тяжелыми копытами шаги... На козлахъ профессиональный возница въ накинутой сверхъ платья синей рубашкѣ-блузѣ и рядомъ съ нимъ испуганное лицо молоденькой дѣвушки французенки. Она укутала обязала шею платкомъ, но глаза, добъ, носъ открыты и тутъ инстинктивно съ кровью предковъ вросшее изящество, кокетство не покинуло ее. Горы—по которымъ шли, лѣса съ прорѣзанными просѣками, высокія деревья, все сразу ушло на задній фонъ предъ этимъ образнымъ лицомъ... Въ немъ отразилась, какъ въ зеркалѣ культура многихъ вѣковъ.—Графъ вы бы взяли себѣ въ графини такую женщину?—Да мы вѣдь не можемъ взять простую, намъ не позволительно, намъ необходимо такую же, какъ и мы, чтобы крови не перемѣшать. Конечно ей мирминшель, картошку и прочее сырье первое дѣло, а намъ виноградъ и шампань, иначе никакъ.—Стойте, стойте слушайте я вамъ расскажу, что я видѣлъ во снѣ:—вижу будто маленькую, маленькую дѣвочку, такую лѣтъ трехъ не больше съ голубыми глазами, съ длинными кудрявыми волосами. И все ее ждуть, чтобы поласкать,

всѣ протягиваютъ къ ней руки, а она идетъ не задерживаясь и прямо ко мнѣ на колѣни и садится...—Я ее ласкаю, а всѣ вокругъ обступили и говорятъ—мы ждали-думали она совсѣмъ ребенокъ, а она уже выросла ей года три—четыре будетъ. Я будто ласкаю ее и спрашиваю... А какъ твое имя?.. Она собралась мнѣ отвѣтить раскрыла ротъ, но кто-то вдругъ меня толкнулъ въ бокъ и я проснулся...—Такъ и не узналъ?—Нѣтъ и не узналъ...—Эх...ты—Ну это онъ заливаетъ, а вотъ я что видѣлъ, почище...—Вотъ будто половодье огромное, огромное разлилось,—мы стоимъ на полянкѣ, которую тоже покрываетъ водой до верхушекъ кустарниковъ, эти кустарники по одну сторону, а по другую дубы—совсѣмъ высоко отъ воды, только ихъ корни покрыты. Ну стоимъ и колеблемся куда залѣзть отъ половодья на кустарники, или на дубы...Лѣзть неминуемо надо на дубы, иначе погибнешь, а страхъ, да лѣнь, мѣшаетъ, подсказываютъ, что можно и на кустарникъ залѣзть близко и безъ труда, и переждать воду...И что-же дальше?—Да тоже проснулся, окликнули, въ бокъ толкнули, говорятъ вставай въ атаку пошли—тани линю!..—Позвольте бинокль...—Э...э...э...вотъ онъ Реймскій соборъ... Готическій стиль!..Двѣ колонны вродѣ колокольни и кругомъ колонны. Вправо отъ него рядъ фабричныхъ трубъ на горѣ, а за нимъ правѣ съ высокимъ шпиремъ, что-то вродѣ дворца, еще дальше правѣ, чуть—чуть замѣтны линіи возвышеній то окопы французскіе и нѣмецкіе...Влѣво отъ собора рядъ зданій, также шпирцы построекъ, а не доходя до города, люди машутъ, дѣлаютъ свое дѣло. Тутъ же рядомъ, около дороги, пахаль шагаль крестьянинъ и разговорился съ нами...—“28 лѣтъ ей лошади, устаетъ она очень... Крупный конь, на холкѣ котораго былъ овечій мѣхъ, шагаль медленно. Онъ словно чувствовалъ необходимость—надо работать. И чѣмъ скорѣе

отработаешься тѣмъ лучше—хозяина привычки онъ изучилъ за двадцать восемь лѣтъ... Дальше шла уже ложбина воронкой, края, которой упирались въ горы. Если бы посмотрѣть на насъ съ горы то мы показались—бы, тянущейся извилистой лентой, или длиннымъ узкимъ поѣздомъ, который траверсировалъ-ползъ перекатываясь по дорогѣ... Впереди маячилъ городъ съ возвышающимися надъ нимъ двумя коконнами... Вотъ тебѣ и соборъ... А газеты то кричали въ началѣ еще войны...—Реймскій соборъ, краса и гордость Романской культуры, разрушенъ варварами... Ловко умѣютъ врать—надувать людей... Сплошной гулъ—стонъ, дымъ черный нѣмецкій, бѣлый французскій, отъ тяжелыхъ орудій, дожился вокругъ... Блескъ-всплескъ огня, какъ секундные глаза волковъ темной дикой ночью, переливы ровно валькомъ—скалкой по рубцу трр...рр...рр...ррру!.. Шумъ-трескъ крыльевъ аэроплановъ, горящія облака чернаго, бѣлаго дыма, горящія деревни, всплескъ ровно зигзаги огненной колесницы тяжелой артиллеріи, сплошной стонъ впереди-сзади, казалось сама земля вздрагивала отъ насилій производимыхъ надъ ней... Дико безумно ворочая глазами съ крикомъ аборигентъ житель бѣжалъ—„больше не могу выносить почти три года и одно и тоже, у меня осточертенѣло въ глазахъ“... Газы ровно бѣлыя кучковатыя волнистыя тучи поползли за нимъ ровно въ доронку низко—низко надъ землею..

Но впереди былъ городъ и онъ жилъ въ такой обстановки...—Мы вѣдь люди не простые... Нѣтъ, нѣтъ мы въ четвертомъ колѣнѣ прописаны... Дѣдушка былъ плотникъ, отецъ рамы дѣлалъ, а я шесть лѣтъ въ ученикахъ пробылъ могу и столъ и диванъ, а мой сынъ такъ и шкафы и тащатъ ножки будетъ умѣть... Графъ вчера только получилъ тридцать одинъ франкъ и собирался на нихъ много кое что приобрести но тутъ на нынѣшней остановки, на бивуакъ, на грѣхъ схва-

тились въ очко и графъ засѣлъ играть... Игралъ внимательно, сосредоточенно и когда къ часу ночи проигралъ все, то всталъ и торжественно ударяя себя въ грудь заявилъ...— Клянусь собою, отцомъ, будущими дѣтьми, что отнынѣ я графъ Вятскій, Шадринскій и проч... и проч... не только самъ никогда не дотронусь до картъ, но и дѣтямъ и внукамъ запрещу—пусть лучше лопнутъ глаза, лучше проваплюсь я въ тартарары, ну, а если кто меня увидитъ за картами, то пусть плюнетъ мнѣ въ харю, возьметъ меня за виски и измугузитъ какъ сидорову козу, или какъ Плетневъ бьетъ свою кобылу... Вотъ вы всѣ и кто спитъ и кто не спитъ, и кто играетъ и кто не играетъ, будьте свидѣтелями...

Въ три ночи мы проходили пустой городъ...

Гулко-гулко раздавались наши шаги по пустымъ тротуарамъ и еще гулче разносились по мертвымъ улицамъ удары выстрѣловъ.

Но когда сыпался ударъ, то звукъ умножался въ безчисленное количество разъ... Онъ входилъ въ выбитыя ставни оконъ, разносился по комнатамъ и оттуда вновь выѣзалъ, встрѣчался съ такимъ же звукомъ—братомъ, мѣшался съ новымъ и мчался по пустымъ улицамъ, какъ будто шаря во всѣхъ комнатахъ... Казалось нечеловѣческія руки приводили многострунную дотолѣ никогда небывшую арфу въ движеніе... И она испускала звуки, такъ не похожіе на обыкновенные звуки... Взглянула старуха изъ одного пріоткрытаго окна, увидѣла насъ,—ее глаза, всклокоченная поза, такъ не похожи были на обыкновенныя... Въ немъ былъ не вопросъ—недоумѣніе, нѣтъ-то было измученное лицо, ровно на томъ лицѣ была написана хронологія осады города... Графъ расшаркался—Мадемуазель съ лысой горы... Вамъ привѣтъ отъ насъ, отъ графа... Старуха тотчасъ

захлопнула окно... Чѣмъ она тутъ питалась, какъ жила и что ее держало въ этомъ мертвомъ осажденномъ городѣ?...

По мѣрѣ того, какъ мы поворачивались по улицамъ предъ нами городъ раскрывался во всю... Каналы, улицы, статуи, рельсы для трамваевъ.. вывѣски... Поваленныя стѣны домовъ, трупы лошадей. И были потѣшны, странныя объявленія о когда то бывшей опереткѣ, еще страннѣе была фигура на афишѣ прекрасно—одѣтой полуголой артистки...

—Что это тутъ?... Солдаты французъ показывалъ приглашалъ знаками. Изъ насъ нашлись переводчики. Онъ объяснилъ—Я то здѣшній, есть у меня домъ...—Стойте! Онъ побѣгъ доставать что-то. И притащилъ минутъ черезъ пять, три бутылки вина...—„Здѣсь его въ каждомъ подвалѣ полно пей не хочу!..

Вѣрно ли онъ имѣлъ свой домъ, намъ не было дѣла... Мы тянули старое, крѣпкое, душистое, виноградное вино... а графъ дѣлалъ замѣчанія,—Да, у моего дѣдушки конечно были и лучшія вина, но что-же дѣлать, за неимѣніемъ лучшаго приходится довольствоваться и этой дрянью—слабой шампанью... Черезъ нѣсколько минутъ мы опять зашагали по пустымъ улицамъ... Вотъ наконецъ и онъ самъ Реймскій соборъ... вопреки всѣхъ писаній, что онъ уничтоженъ и т. д. онъ былъ цѣлъ... Только его драгоценныя окна мѣстами повывлетѣли отъ сотрясенія воздуха... Когда мы вышли на площадь, то странное чувство глядя на зданіе тонкое, хрупкое, будто все сотканное изъ свѣта-воздуха обуяло, охватило меня... Ну словно на меня пахнуло весной перваго ранняго дѣтства съ ея ландышами, пезабудками, и зеленой первой травкой, или я очутился предъ до-толѣ мнѣ неизвѣстной, прекрасной художественной картиной... Предо мной вскидывалось уходило вверхъ подъ не-

беса нѣжное, сотканное, ровно выросшее, вдругъ изъ самой природы-земли цвѣтокъ зданіе и оно было такъ хрупко—эфemerно тонко-отточено, изящно, что казалось вотъ-вотъ расплывется сейчасъ въ воздухъ—больше не увидимъ его нѣжно сотканныхъ полукруговъ... И куда то уплыли мысли о томъ, что вотъ я воинъ на чужой землѣ, что далеко отъ меня родина и будетъ ли она когда предо мною видима не знаю... все улетучилось. Остался только одинъ соборъ съ его шпиками...отдѣльными фресками...высоко ввысь поднимающимися...Рядомъ—дальше въ сотняхъ саженьяхъ заваленныя разрушенными зданіями—трупы людей и лошадей, вывороченные камни... Но соборъ стоялъ цѣлъ, ровно, какъ его щадилъ врагъ, хотя французская тяжелая артиллерія тоже стояла въ 300 саженьяхъ въ самомъ городѣ и ухала—безпрерывно ухала—въ отвѣтъ нѣмцамъ. Онъ могиканъ смотря на котораго вдругъ каждый забывался отъ горя, печали и отдыхалъ—ровно въ жаркій полдень, путникъ напивался свѣжей воды, изъ веселаго чистаго ручья,—былъ цѣлъ и, казалось его огромныя полукруглыя фрески въ серединѣ между колоннъ—тонкія, хрупкія ввысь взмахивающіяся шпиксы, весь онъ говорилъ-утверждалъ, что старый средневѣковый городъ отраженный, собранный, воплощенный, какъ въ фокусѣ, въ Реймскомъ соборѣ, живъ и привѣтствуетъ насъ!..

Русскіе солдаты во Франціи.

памяти нашимъ-русскимъ солдатамъ на французскомъ фронтѣ.

191... года въ ...поступилъ приказъ формировать пѣхотные полки „особаго назначенія“; требуются солдаты самыя лучшіе по выправкѣ, имѣющіе боевое отличіе. Зачисленіе въ эти полки—„по особой рекомендаціи“ команднаго состава; желательно, чтобы назначались уроженцы Оренбургской губерніи, Урала и Сибири, неграмотность не можетъ служить препятствіемъ...

Къ намъ, саперамъ, пришелъ тоже такой же приказъ. Начальство объяснило.

—Счастье тому, кто будетъ выбранъ въ особые полки!

Но саперъ неохотно идетъ въ пѣхоту и счастья въ этомъ никакого не видѣлъ,

Формировались полки въ одномъ изъ городовъ Урала. Когда пріѣхалъ на смотръ командующій округомъ генералъ Сандецкій, онъ остался очень доволенъ выправкой и началъ бесѣдовать по части „словесности“...

—Скажи мнѣ, кто нашъ врагъ?—обратился онъ къ одному солдату.

—Германія, Австрія, Турція...

—А скажи ты,—обратился онъ къ другому,—кто нашъ союзникъ?

Солдатъ растерялся. Слишкомъ много глазъ смотрѣло на него, особенно ротный—такъ и ѣлъ солдата!

—Что же молчишь, не знаешь?

—Нѣтъ, знаю: Англія, Сербія, Черногорія.

—Хорошо... А кто нашъ врагъ?

—Турція, Германія, Франція, Австрія...

—Дуракъ! Франція нашъ союзникъ, и ты удостоился чести ѣхать ее защищать. Ну, да ничего, что не знаешь, тебѣ вѣдь не политикой заниматься, а штыкомъ работать ты будешь молодецки...

Конечно, никто не позаботился объяснить солдатамъ, что такое Франція, почему намъ нужно защищать ее.

Какой-то солидный солдатикъ размышлялъ:

—Нападали, нападали на насъ эти Наполеоны, а, вотъ, теперь—мы за нихъ...

Мы поѣхали черезъ Архангельскъ на французскомъ пароходѣ. Команда судна не знала ни слова по-русски. Матросы—всѣ сенегальцы, травленные волки...

На нашъ вопросъ русскому командному составу, что можно и слѣдуетъ взять съ собою съ берега, намъ отвѣчали:

—Ничего не надо, все есть...

Болѣе недовѣрчивые купили баранокъ, сельдей, сыра и т. д.; простодушные же повѣрили и, конечно, жестоко поплатились голодомъ за свое довѣріе... Ъхали 20 сутокъ. Съ перваго же дня почувствовали себя худо... Кормили галетами и свареннымъ изъ бобовъ супомъ, да консервами. Спали въ трюмахъ, въ повалку, надѣвъ спасательные пояса, въ которыхъ кишмя кишели паразиты. Вино, которое французы привезли для насъ, намъ не давалось. Но русскій мужикъ и здѣсь нашелся... Онъ подходилъ къ матросу, показывалъ деньги, щелкалъ по горлу, и сенегальцы стали продавать назначенное для насъ вино по цѣнѣ за бутылку

бѣлаго—20 фран., краснаго—15 и т. д., за булку, за картофель сырой—40 или 50 сантимовъ, при чемъ брали за франкъ рубль...

Въ Брестѣ насъ встрѣчала французская экспансивная толпа. Она шумѣла, кричала, хлопала въ ладоши. Мы сами отъ радости, что увидѣли землю, готовы были обнимать ее, цѣловать каждый камень, cadaго встрѣчнаго... Дѣти, которыя брали наши ранцы, ружья, сжимали своими нѣжными руками наши грубые руки, были, казалось, нашими дѣтьми... Барышни кидали цвѣты, шоколадъ, папирсы, газеты.

Обѣдали на французскій манеръ: первое—сыръ или консервы, рыба, сельди; второе—супъ; третье—кусочъ мяса съ овощами, четвертое—пирогъ, и пятое—варенье и шоколадъ; все это запивалось пивомъ, у французовъ-солдатъ виномъ, но намъ вина запрещено было давать...

—Это не то, что на пароходѣ, одна фасоль, да галеты!—шептали солдаты, поминутно оглядываясь на все, дотошъ не виданное, такое непохожее на русскій бытъ.

Въ лагеряхъ Майи насъ поразила чистота обстановки. Въ баракахъ у каждаго была своя койка, матрасъ, простыня, одѣяло и т. д. Водопроводы, цвѣтники, и сады...

Эта разница выступала еще рѣзче, когда по чьему-то премудрому распоряженію, русскимъ солдатамъ запретили посѣщеніе кофейнъ въ деревняхъ, ближайшихъ къ фронту, а также лавокъ и магазиновъ. Запретъ вызвалъ со стороны французскихъ солдатъ подозрительное отношеніе къ намъ; очевидно, имъ внушили, что мы—дикари, такіе же какъ негры, сенегальцы и другіе представители разноплеменной французской арміи. Незнаніе языка мѣшало намъ объясняться съ французами, а переводчики изъ русскихъ, живущихъ во Франціи и состоящихъ на французской службѣ,

также, какъ и французы, знающіе русскій языкъ, были далеко отъ солдатъ, да имъ и запрещено было, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, переводить хоть одно слово изъ французскихъ газетъ. Офицеры же французскіе при русскомъ штабѣ подобрались все ярые сторонники монархіи.. Они требовали, чтобы имъ кричали: „здравія желаю, ваше высокоблагородіе“, а французы-солдаты передразнивали нашъ крикъ:

—Гав-гав-гавъ!

Но все-таки иногда мы потихоньку разговаривали съ французами и— послѣ революціи—они не однажды спрашивали насъ:

—А что, русскій мужикъ заплатитъ намъ деньги, которыя, мы дали вашему жулику царю Николаю?

Для порки солдатъ, стоянія „подъ ружьемъ“ и вообще для наказанія вашему командному составу пришлось выбрать отдѣльный баракъ, чтобы скрыть все это отъ французовъ—неловко пороть, когда у сосѣдей этого не дѣлаютъ. Да и какъ поставить—подъ ружье, когда мимо идущіе французы-солдаты стаскивали русскаго солдата изъ подъ ружья, и со смѣхомъ приводя къ нашему командному составу, докладывали:

—Онъ пустое мѣсто караулить!

А бывало и такъ, что, видя, какъ, нашъ офицеръ дупилъ „по мордасамъ“ русскаго солдата, французы бросались на офицера и тоже били его...

У французовъ были прекрасные полковые кооперативы, въ которыхъ мы потихоньку, черезъ „черныхъ“, брали вино и другіе продукты, покупали французскіе газеты, въ которыхъ жадно искали свѣдѣній о Россіи; почта съ родины до насъ не доходила, письма попадали вскрытыя, замазанныя, повывчеркнутыя, такъ что оставались только бабьи поклонны...

Жили, наблюдая чужую жизнь, а эта жизнь была интересна. Артиллерія французская превосходна—на одинъ немецкій выстрѣлъ отвѣчали десятью. Саженные, глубокіе окна съ траверсами, отличными ходами сообщеній, съ маленькими мулами для переноски тяжестей, [прекрасныя шоссе-инныя дороги, прямо подходящія ко второй линіи, желѣзныя узкоколейки, деревни, за шесть миль отъ позиціи живущія полной мирной жизнью: съ кафе, магазинами, театрами и т. д. Аэропланы, десятками вылетающіе на обследованіе. Безчисленные автомобили, ежедневно подвозятъ все необходимое для частей войскъ... Пайки выдавались намъ обильно, а мы, по обыкновенію, жадничали и „копили экономію“, которой и накопили до трехсотъ тысячъ франковъ на полкъ. Варили всего одно блюдо, въ которое складывали все—и мясо, и рисъ, и зелень. Солдаты получали 35 фр. въ мѣсяцъ, какъ и все колоніальныя войска, и, конечно, расходовали все деньги на питаніе. Хлѣбъ выдавался бѣлый роскошный. Полкъ, было, выпросилъ черный, о чемъ писалъ цѣлый докладъ французскому начальству, доказывая, что русскій солдатъ привыкъ къ черному, но онъ обходился дороже, да и любовь русскаго солдата къ черному хлѣбу была сомнительна, а потому попова затѣя не прошла, хотя выдавали разъ въ недѣлю черный хлѣбъ, къ которому никто не притрагивался, а берегли отъ другихъ дней бѣлый.

Солдаты покупали все. Вино—франкъ бутылка, виноградъ, фрукты—кило 80 сант., разные консервы, все, что попадало на глаза и подъ руку, и не оставляли отъ жалованія себѣ ни копейки про запасъ, что, конечно, очень удивляло бережливыхъ французовъ... Иногда брали въ складчину на все жалованье вина, чтобы хоть разъ напиться всласть, да такъ и пропивали все деньги, а пьяны не были...

Когда нашъ командный составъ видѣлъ, что солдатъ несетъ бутылку вина, то бутылка тутъ же разбивалась, а солдату давали 25 розогъ; солдатъ, конечно, шелъ покорно на кобылу. А въ слѣдующій разъ сливалъ вино въ банку, въ которой хранилась маска отъ газовъ... И при газовыхъ атакахъ погибалъ безъ маски...

Такъ шла жизнь вдали отъ родины — безъ знанія, свѣдѣній о родинѣ, въ глубокой тоскѣ.

Въ лагеряхъ мы пробыли три недѣли, обучаясь. Французы солдаты подолгу останавливались и удивленно наблюдали за нами, они хохотали надъ нашимъ отданіемъ чести — у насъ этого нѣтъ, такъ-же, какъ нѣтъ специальной выправки „ѣшь глазами начальство“...

На позиціи намъ прежде всего бросилось въ глаза прекрасное оборудованіе окоповъ, такъ глубоко различное отъ нашихъ, артиллерійская подготовка, отношеніе французскаго солдата къ своимъ командирамъ — вся жизнь солдатъ-гражданъ французской арміи была такъ не похожа на нашу, что невольно бросалась рѣзкой разницей въ глаза намъ.

Во время атаки, если въ ней участвовала французская пѣхота, баражный огонь продолжается до тѣхъ поръ, пока нѣмедкіе пулеметы совершенно замолчатъ, проволочныя загражденія исчезнутъ. Иначе французскій солдатъ повернетъ обратно. При атакахъ для черныхъ сенегальцевъ и русскихъ артиллерія уже не носитъ такого стихійнаго, все уничтожающаго характера, войска встрѣчаютъ передъ собой и проволочныя загражденія, и пулеметы. Въ посл. апрѣльской битвѣ отъ Суассона до Оберива русскіе дрались, какъ львы, и получили самую высшую награду французскихъ войскъ.

Послѣ пяти съ половиной мѣсячнаго стоянія на позиціи мы ушли на отдыхъ, т. к. командный составъ не далъ

намъ мѣсячнаго отдыха, по примѣру французской арміи, полагаемаго послѣ каждаго трехъ мѣсяцевъ стоянія въ первой линіи, а рѣшили отстоять срокъ въ два раза больше и тогда дать двойной отдыхъ; мы, конечно, не прекословили, ибо не имѣли права голоса...

Надвигалась Пасха, надо было ее праздновать, пообчиститься, смѣнить аммуницію, замѣнить убыль людей и т. д. Пошли мы на отдыхъ. И въ одной изъ деревень купили газету; я уже сносно читалъ по французски... Товарищи, естественно спрашиваютъ:

— Ну, что новаго о Россіи?

О Россіи было крупнымъ шрифтомъ напечатано нѣчто, отъ чего у меня потемнѣло въ глазахъ. Солдаты вопросительно смотрѣли на меня.

— Ну, что?—Есть одно, да боюсь вамъ сказать.....—
Читай!—Нѣтъ, не могу... за это по уставу пожалуй, пулю получишь!

Это еще болѣе раззадорило ихъ, и я вынужденъ былъ уступить...

— Царь Николай абдике... вотъ, что тутъ написано...

— А что такое—абдике?

— А это значить—отрекся...

— Ну, ты, братъ, надъ нами не шути!

Мужикъ-солдатъ вырвалъ газету и пошелъ къ переводчику. Но когда французъ переводчикъ сказалъ, что не можетъ перевести, т. е. есть приказъ, чтобы не переводить русскимъ французскихъ газетъ, то взявшій газету пришелъ и отдалъ мнѣ ее, сказавъ:

— А ты, вѣдь, пожалуй, не совралъ.

По мѣстечкамъ, вилляциямъ намъ на встрѣчу выбѣгали мальчишки, они кричали:

— Русскій, русскій, Николай абдике!

Мы повѣрили въ это.

Было рѣшено, придя въ лагери, пройти по вилляжу съ краснымъ флагомъ, отслужить панихиду по разстрѣленнымъ и послать телеграфное привѣтствіе... Но у начальства были свои уши...

Не успѣли солдаты очухаться, пришедши поздно вечеромъ въ лагери, какъ приказъ—утромъ всѣхъ выстроить на смотръ.

Утромъ генераль объѣхалъ ряды вдругъ сказать:

— Ну, вотъ, вы собрались идти по мѣстечку съ краснымъ флагомъ и служить какія-то панихиды, а ты мнѣ скажи—что такое значить красное знамя?

Солдаты смолчали...

— Не знаешь. Ну, ты? Ты?... Не знаете, а про свободу кричать знаете!

— Я знаю!—закричалъ одинъ.

— А ну, скажи!

Вышелъ солдатъ изъ строя, это былъ пулеметчикъ...

— Красное знамя есть эмблема свободы, добытыхъ пролетарскими рабочими руками...

— Молчать!.. Строгий арестъ, три недѣли...

— Не позволимъ!—отвѣтили вдругъ, какъ одинъ, ряды солдатъ.

* * *

Послѣ революціи въ лазаретахъ начали появляться какія то дамы, уговаривая нашихъ раненыхъ:

— Пишите домой, что вамъ нуженъ царь, что безъ него вы жить не можете, что только онъ одинъ можетъ сдѣлать миръ!

Одна изъ генеральшъ предложила делегатамъ выбраннымъ для поѣздки въ Россію:

— И зачѣмъ вы ѣдете—развѣ у васъ головы нѣтъ на

плечахъ? Оставайтесь! За это вы же увидите фронта и будете кататься, какъ сыръ въ маслѣ—все равно, черезъ три—четыре мѣсяца возвратится монархическій строй и все выгоды будутъ на нашей сторонѣ...

Эта пропаганда не имѣла успѣха, а слухъ о революціи въ Россіи, приподнявъ настроеніе французовъ-солдатъ очевидно, дошелъ и до нѣмецкаго фронта.

Когда французы 20 апрѣля взяли одну изъ горъ, на которой стояли нѣсколько нѣмецкихъ батарей, то нѣмецкіе артиллеристы поспѣши повернули тутъ же пушки и стали ими бить по своимъ же нѣмецкимъ окопамъ.

Но нашъ командный составъ испугался и попросилъ французевъ, поставить за спиною у насъ дивизію черныхъ войскъ.

Начальникъ французской батареи черезъ русскаго доктора служившаго во французскихъ войскахъ, прислалъ къ намъ посланнаго съ вопросомъ: не можемъ—ли мы разъяснить ему, что такое происходитъ у русскихъ? Откуда такіе про нихъ—дерущихся какъ львы,—слухи, что кое кто принужденъ по пятамъ за ними слѣдить? Уполномоченные, однимъ изъ которыхъ былъ пишущій эти строки, разъяснили, французамъ, что бояться нечего—пропали кнутъ, розга, мордобитіе, вмѣсто того, явилось иное, только это иное надо умѣючи вправить въ русло, использовать по другому, по хорошему.

Оук 57566

57566

